

УДК 94(100)

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-6-78

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА МИРОВОЙ ИСТОРИИ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

Смоленский Н.И.¹, Васильев С.В.², Коньков А.А.³, Копосов Л.Ф.¹, Егоров В.Г.¹, Бруз В.В.¹, Штоль В.В.⁴, Гаева А.С.¹, Багдасарян В.Э.¹

¹Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация

²Институт этнологии и антропологии РАН
11991, Москва, Ленинский проспект, д.32-А, Российская Федерация

³Медико-генетический центр РАН
115478, Москва, ул. Москворечье, д. 1, Российская Федерация

⁴ИГСУ РАНХ и ГС при Президенте России, Дипломатическая академия МИД России
119606, Москва, Проспект Вернадского, 84, Российская Федерация

Аннотация. Круглый стол, прошедший в Московском государственном областном университете, посвящен анализу проблемы единства мировой истории. Указанный анализ осуществлен на материале ее двух хронологических периодов – древности и современности. Основными темами обсуждения стали проблемы формирования человека, возникновения языка и современная глобализация. Анализ проблемы происхождения человека и возникновения языка опирается на существующие в науке современные представления об этом и на самостоятельные позиции и выводы участников круглого стола. Анализ новейших процессов и перемен в истории связан, прежде всего, с попыткой выяснить соотношение распространенных ныне представлений о глобализации с проблемой единства истории.

Ключевые слова: Homo sapiens, единство истории и единообразие, мультикультурализм, глобализация.

THE PROBLEM OF WORLD HISTORY UNITY (ROUND TABLE)

N. Smolenski¹, S. Vasilyev², A. Kon'kov³, L. Kuposov¹, V. Egorov¹, V. Bruz¹, V. Stol'⁴, A. Gayeva¹, V. Bagdasaryan¹

¹Moscow State Regional University
10 A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

²Institute of Ethnology and Anthropology RAS
32A, Leninsky Avenue, Moscow, 119991, the Russian Federation

³Institute of Medical Genetics, Moscow
1, Moskvorechye St., Moscow, 115478, the Russian Federation

⁴Institute of State Service and Management of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
84, Vernadsky Avenue, Moscow, 119606, the Russian Federation

© Смоленский Н.И., Васильев С.В., Коньков А.А., Копосов Л.Ф., Егоров В.Г., Бруз В.В., Штоль В.В., Гаева А.С., Багдасарян В.Э., 2016.

Abstract. The RoundTable organized at Moscow State Regional University was devoted to the analysis of the problem of the unity of world history based on the material of its two chronological periods – antiquity and modern history. The problems of a human being formation, the origin of the language and issues of modern globalization were the main themes discussed at the Round Table. The analysis of the latest processes and changes in the history is primarily associated with the attempt to find the correlation of current ideas about globalization with the problem of history unity.

Key words: Homo sapiens, the unity and uniformity of history, multiculturalism, globalization.

Смоленский Н.И.

Вступительное слово

Проблема круглого стола – единство мировой истории. Взгляд на историю как на единство и целостность, т. е. единый поток развития стран, народов, континентов, цивилизаций, впервые был выдвинут в качестве теоретической проблемы просветителями и получил развитие в последующей философско-исторической мысли – утопический социализм, позитивизм, марксизм, религиозная философия истории (К. Ясперс), концепции индустриального и постиндустриального общества. Однако этот взгляд – лишь часть общетеоретической проблемы, другим вариантом которой является отрицание единства и понимание истории в качестве простой арифметической суммы всего ее многообразия. (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и др.)

Проблемой круглого стола является анализ идеи единства истории на материале ее двух хронологических периодов – древности и современности – со второй половины XX в. до настоящего времени. В первом случае предметом анализа является происхождение человека и возникновение языка, что стало началом человеческой истории.

Применительно к современности речь идет главным образом об анализе тех представлений о ней, которые выражаются в термине глобализация, в связи с чем выясняется соотношение этих представлений и реального хода исторического развития.

Обоснованность постановки данных проблем в обоих случаях весьма очевидна, о степени обоснованности выводов участников круглого стола судить читателю, с наличием, однако, еще одного критерия оценки – развития познания, что – за будущим.

Васильев С.В., Коньков А.А.

Современные проблемы происхождения Homo sapiens

Долгое время происхождение Человека разумного связывали с верхнепалеолитической эпохой. Действительно, где-то в районе 40 тыс. лет тому назад первые представители Homo sapiens появляются в Европе (Младеч V) и, вероятнее немногим раньше – в Азии (Вадыяк, Лиуцзиан). Однако палеоантропологические исследования последних двадцати лет показали нам бóльшую древность человека современного типа, которая выходит за рамки верхнего палеолита. Ряд нахо-

док, происходящих из Африки (Элие Спрингс, Бордер Кейв, Летоли 18, Омо, раскопки Мумбва и т. д., как осторожно пишут исследователи, «человека, анатомически сходного с современным», удревели до 150-200 тыс. лет. Таким образом, *Homo sapiens* оказался древнее неандертальцев, что исключает возможность участия последних в эволюции сапиентных форм как прямых предков. Так кто же был прародителем современного человека? Сколько было центров его происхождения? На сегодняшний день эти вопросы решаются большинством ученых-антропологов однозначно. Безусловно, именно Африканский континент мог быть прародиной современного человека, а предками его, скорее всего, были эректоидные формы *Homo heidelbergensis*, которые населяли довольно обширные территории Африки 1 млн. – 200 тыс. лет тому назад [18].

Наиболее древней сапиентной находкой за пределами Африки являются образцы Кафзех 6 и 9, обнаруженные на территории Палестины. По разным источникам эти находки датируются от 92 до 115 тыс. лет. Более того, географическое положение этого местонахождения указывает нам на возможный восточный путь миграции *Homo sapiens* с Африканского континента. Так или иначе, но где-то примерно 100 тыс. лет тому назад человек современного типа начал заселять Земной шар. Как мы уже знаем, в пределах 40 тыс. лет тому назад человек разумный появился в Европе и чуть ранее в Азии. Судя по костным останкам, на Австралийский континент человек попал около 40 тыс. лет до наших дней. Американский континент, скорее всего, заселялся с севера на юг, и впервые

люди туда попали по сухопутному перешейку, соединявшему Чукотский полуостров с Аляской, 25-20 тыс. лет назад. Последней была освоена Южная Америка, о путях заселения которой до сих пор идут споры. Таким образом, мы можем констатировать, что к концу верхнего палеолита (12-10 тыс. лет назад) человек разумный заселил все экологически доступные места на Земном шаре. Следовательно, рассуждая о верхнепалеолитических людях, мы говорим не столько о времени происхождения, сколько о времени их расселения.

На сегодняшний день известно большое число (более ста) местонахождений периода верхнего палеолита, в которых обнаружены костные останки человека современного типа. Практически все верхнепалеолитические останки имеют ряд морфологических отличий от предшествующих форм и описываются как разновидности сапиентного типа. Диаметры их мозговой коробки близки к средним величинам современных долихокраничных черепов; височная чешуя имеет большой вертикальный размер, соответствуя уровню происхождения первой височной борозды мозга; на передней стенке верхней челюсти имеется клыковая ямка; в симфизе нижней челюсти выделяется подбородочный треугольник [12]. На отдельных черепах верхнего палеолита сапиентный комплекс признаков выражен не полностью, ряд черепов характеризуется сохранением некоторых примитивных особенностей.

Как было указано выше, в настоящее время известны сотни стоянок верхнего палеолита, в том числе несколько десятков стоянок, содержащих скелетные останки ископаемых людей

современного типа. Наибольшее число черепов собрано на территории Франции и бывшей Чехословакии. В России верхнепалеолитические черепа обнаружены в двух районах европейской части страны: в Воронежской области (Костёнки) и во Владимирской области (Сунгирь).

Еще в 1927 г. Г. Морант, сопоставив все измерения, пришел к выводу, что все найденные в Европе верхнепалеолитические черепа составляют одну серию, не более изменчивую, чем многие современные [75]. Однако, учтя изменчивость отдельных признаков, Г. Морант не учел вариаций их сочетаний. Именно изучая эти комплексы краниологических признаков, ряд исследователей выделяют среди сапиенсов верхнего палеолита ряд морфологических вариантов, иногда называя их палеорасами [80; 14]. Так, например, Заллер выделял четыре палеорасы: гримальдийскую, кроманьонскую, шанселядскую и брюннскую; а В.В. Бунак находил возможным выделять семь различных морфологических вариантов: гримальдийский, комбкпельский, кроманьонский, солиотрейский, оберкассельский, шанселядский и пржедмостский. Вот как описывает В.В. Бунак всем известный кроманьонский вариант верхнепалеолитического человека: удлинённая, широкая и низкая мозговая коробка пятиугольной формы, с выступающими лобными, теменными и затылочными буграми, с невыраженным рельефом надбровья, лицо широкое, средневысокое, носовые кости образуют значительный угол с лицевой линией. Однако, выделяя морфологические варианты в верхнем палеолите, В.В. Бунак (1984) все же исходил из так называемой

концепции «краниологического полиморфизма», согласно которой: 1) верхнепалеолитические черепа отличаются от современных наличием у некоторых специфических особенностей и потому выделяются в особую группу ископаемых неантропов; 2) краниологические типы верхнего палеолита наряду с признаками, входящими в комплекс особенностей одной группы, включают признаки, не свойственные данной антропологической группе, а характерные для других групп; 3) краниологические типы, вполне соответствующие вариантам последующих эпох, в верхнем палеолите не установлены; 4) приуроченность определенного комплекса особенностей к определенной ограниченной территории в верхнем палеолите отсутствует.

Исходя из вышеизложенных типологизаций российские находки классифицируются следующим образом: Костенки 14 (Маркина Гора) – гримальдийский тип, Костенки 2 (Аносол) – кроманьонский тип, Костенки 15 (Городцовское) и Костенки 18 (Покровский Лог) – брно-пшедмостский тип, Сунгирь 1 В.В. Бунаком определен как «человек разумный ископаемый верхнеплейстоценовый восточноевропейский из Сунгиря» [15].

Несмотря на столь хорошо разработанные типологизации верхнепалеолитических морфологических вариантов, в 1983 г. немецкий антрополог В. Хенке провел интересное исследование по классификации верхнепалеолитических и мезолитических черепов, происходящих из Европы, используя метод главных компонент. Проведенный анализ подтвердил прежние представления о характере дифференциации краниологических типов

данного региона и данного периода времени в том смысле, что широкие и низкие черепа – типа Комб-Капелль. Однако выделение крайних вариантов не позволило построить настоящую классификацию, поскольку совокупность в целом выглядела аморфной и не обнаруживала тенденции к образованию отдельных комплексов. Автору исследования не удалось даже дифференцировать верхнепалеолитические черепа от мезолитических. Как полагает А.А. Зубов, мы застаем в данную эпоху в Европе картину морфологической пестроты, в основе которой лежат широкомасштабные процессы метисации при достаточно большой для того времени плотности населения в регионе.

Таким образом, при классификации типов верхнего палеолита выделение вариантов может основываться только на морфологическом сходстве или различии, но когда проводится сопоставление этих вариантов с современными расами, сразу же встает вопрос: могут ли краниологические варианты верхнего палеолита рассматриваться как древние формы трех современных больших рас? По мнению В.В. Бунака, верхнепалеолитическое население представляет собой «смесь разновидностей одного полиморфного подвида, еще не распавшегося на отдельные определенные расы» [13]. Он считал, что у ископаемых неантропов еще не образовались характерные для современных рас устойчивые сочетания признаков, которые складываются в более позднее мезо-неолитическое время. Однако есть и другая точка зрения, высказанная Г.Ф. Дебецем. Он ввел понятие «протоевропейского антропологического типа», в который

включил все сходные с кроманьонскими скелетами из Лез-Эйзи и Ментонских гротов костные останки верхнего палеолита. Причем термин «протоевропейский» подчеркивает генетическое родство этого типа с современными расами европеоидного ствола.

Японский генетик Н. Масатоси считает, что человек разумный впервые разделился на две микроэволюционные ветви примерно 100 тыс. лет назад, причем одна ветвь была представлена протонегроидами, а другая – недифференцированная, – европеоидно-монголоидным стволом, разделившись, по данным этого автора, значительно позже, около 60 тыс. лет назад. Одновременно японский исследователь констатирует большую генетическую близость субрасовых таксонов как внутри европеоидной расы, так и в пределах монголоидной.

На сегодняшний день становится очевидным, что формирование современных краниологических расовых комплексов шло по-разному и неодинаковыми темпами в каждом регионе. В зоне контакта двух очагов расогенеза – восточного и западного, выделение расогенетических линий с непрерывной преемственностью задерживалось и блокировалось активными метисационными процессами. В Африке, Юго-Восточной Азии и Австралии такие линии сформировались раньше и не подвергались резким разрушающим генетическим влияниям. Более поздние северные (протоевропеоидный и протомонголоидный) очаги расообразования активно взаимодействовали друг с другом и отчасти даже с древними южными центрами.

И все же – была ли метисация между современным человеком и не-

андертальцем? Проблема эта имеет не только академический интерес. В частности, наблюдаемая тенденция снижения таксономических рангов в систематике рода *Homo*, сближение его внутриродовых таксонов способствуют, к примеру, укреплению позиций концепции полицентризма.

Решение вопроса о таксономическом статусе неандертальцев напрямую связано с проблемой их роли в процессе становления человека современного физического типа. Тенденция снижения таксономического ранга, которая сказалась в закреплении за неандертальцами статуса подвида, а именно *Homo sapiens heidelbergensis*, в настоящее время разделяется все меньшим числом исследователей [18]. Вновь на повестку дня ставится вопрос о том, какие из неандертальцев и как принимали участие в формировании *Homo sapiens*.

В популяционной генетике самым главным основанием для выделения двух групп организмов в отдельные виды является очень простая вещь – будут ли между собой особи из этих групп при скрещивании оставлять плодовитое потомство. Важно понимать, что существует много случаев, которые затрудняют наше понимание того, могут ли скрещиваться эти группы или нет. Такое нередко возникает, если их разделяют какие-то географические препятствия (реки, проливы, моря, горные цепи, леса, пустыни, болота), которые затрудняют или прекращают обмен генов между ними, в результате чего под действием разных причин (дрейфа генов, случайных мутаций или адаптации) у них накапливаются заметные отличия в фенотипе. Если этот барьер будет вовремя осла-

блен или снят, и они, даже имея существенные отличия во внешнем облике, могут без каких бы то ни было затруднений скрещиваться, то вместе они, бесспорно, будут составлять единый вид. Впрочем, возможен и иной сценарий, когда не географические барьеры, а какие-то поведенческие механизмы (или физиологические особенности) затрудняют общение между двумя группами, т. к. делают выбор партнера из другой группы малопривлекательным. Если в этом случае смешение между двумя группами, пусть и ограничено, но все-таки происходит, а полноценное потомство от них появляется – и в этом случае, как и в предыдущем, они также будут составлять один вид.

В общем, если скрещивание происходит, и потомство появляется, то, какие бы ни были барьеры, перед нами будет один вид, состоящий из нескольких группировок, даже если эти группы разделяют тысячи километров или какие-то ярко выраженные внешние, поведенческие и физиологические особенности. Если эти группы обитают не просто рядом, но даже на одной и той же территории, при этом внешне идентичны, но нормальное потомство они не могут дать ни при каких обстоятельствах, то эти объединения представляют уже разошедшиеся виды. Потому самым надежным инструментальным критерием для определения границ между видами является прямое скрещивание. Но, к сожалению, по разным причинам не всегда можно провести прямые эксперименты по скрещиванию. А в случае ископаемых и вымерших видов это сделать просто невозможно. Но для того чтобы определить, являются ли сравнивае-

мые группы разными видами или нет, можно использовать косвенные подходы. Один из возможных подходов для выявления границ между видами – это определение степени изоляции генофондов сравниваемых групп друг от друга (географические дистанциями между группами при этом могут быть любыми). Наиболее частым статистическим методом, который применяется для такой оценки, является так называемое «расстояние Нея» [76].

В молекулярной генетике структура родства разных групп часто определяется через филогенетические деревья. Важно понимать, что филогенетические деревья дают достаточно адекватное представление о близости или удаленности отдельных групп друг к другу (хотя при использовании разных подходов в построении деревьев, их форма может несколько отличаться и показывать в некоторых деталях немного разную структуру родства). Но по построенным фило- и кладограммам напрямую нельзя сказать, есть ли межвидовая граница между группами, относящимся к разным ветвям дерева, или же она здесь еще отсутствует. Это может быть понятно только из общей совокупности выявленных данных.

Таким образом, необходимо признать, что хотя сама концепция вида в популяционной генетике сформулирована достаточно четко, и в генетической науке существует широкий арсенал приемов для определения как степени, так и структуры родства между разными группами, но сами критерии, необходимые именно для выделения границ между видами, все же обладают некоторой размытостью. Присутствие общих аллелей в сравниваемых группах не всегда говорит о

том, что это один вид. Оно может действительно быть результатом обмена генов, но может и всего лишь являться элементом общего наследства, который достался каждой из двух групп от общего предка. Самый надежный критерий – это наблюдаемое смешение между группами. В тех случаях когда его нельзя выявить прямо, можно сравнить их генофонды. Если эти генофонды сильно различаются между собой по представленному в них набору аллелей, то, скорее всего, перед нами будут разные виды.

Хотя в настоящее время опубликовано уже немало работ по генетике неандертальцев, где описаны данные о множестве их физиологических особенностей, таких, как липидный обмен [76], способность различать вкус финилтиокарбамида [72], а также о генах, вовлеченных в сперматогенез, иммунный ответ [63], есть данные о строении гена FOXP2, участвующего в формировании речи [68], и даже есть информация о генах, вовлеченных в нейрогенез и развитие мозга [79], до сих пор существует мало данных, в которых была бы исследована и выявлена прямая связь между генами и внешними морфологическими признаками неандертальцев. Одним из немногих исключений являются работы Castellano 2014 г., Kuhwillm 2013 г. и Laluela-Fox 2007 г., некоторые данные даны в работе Green 2010.

В работе Laluela-Fox 2007 была исследована последовательность гена меланокортинового рецептора (MR1C). Установлено, что у двух неандертальцев из Монти-Лисини (Италия) и Эль-Сидрона (Испания), выявлен один и тот же мутантный аллель этого гена, который экспрессирует белок клеточ-

ного рецептора, имеющего сниженную восприимчивость к меланоцит-стимулирующему гормону. Этот гормон вырабатывается в средней доле гипофиза для усиления выработки меланоцитами (пигментными клетками кожи) меланина, который обеспечивает ее потемнение. Клеточные рецепторы, которые будут иметь к нему низкую восприимчивость, будут способствовать тому, что кожа и волосы всегда будут иметь низкий уровень пигментации. Потому можно быть уверенным, что если не все неандертальцы, то какая-то часть их популяций отличалась светлокожестью своих членов, а также светлыми или рыжими оттенками волос. Интересно, что неандертальский аллель низковосприимчивого меланокортинового рецептора отличается от всех известных аллелей, имеющих пониженную чувствительность, которые пока выявлены у современных людей.

В работе Green 2010 выявлены различия между человеком современного типа и неандертальцами в гене меластатина TRPM1, которые потенциально могут влиять на различия в пигментации. Так, у неандертальцев, как и у шимпанзе, в последовательности гена имеется стоп-кодон, из-за которого экспрессируемый пептид меластатина короче примерно на 100 аминокислотных последовательностей, чем у современного человека. Но, к сожалению, прямое фенотипическое проявление, которое связано с различиями в этих генах, пока неуловимо.

Очень перспективным и многообещающим выглядит направление для исследований, выявленное в результатах работы Kuhwilm 2013 г., которая посвящена исследованию влияния гена RUNX2 на общую морфологию

скелета. Известно, что этот ген играет важную роль в остеогенезе, стимуляции дифференциации остеобластов и зарастании родничка в черепе у детей. Авторы установили, что роль этого гена в костеобразовании гораздо шире и влияет на многие сигнальные пути, инициирующие костеобразование, и, кроме того, также влияет на формирование зубов. Интересно, что некоторые мутантные формы этого гена, даже в гетерозиготном состоянии, приводят к серии нарушений костной конституции: задержке зарастания черепных швов, выступанию лобных бугров (frontal bossing), колоколовидной грудной клетке и аномалиях ключицы.

Суммируя все вышесказанное, даже на современном уровне знаний, кажется вполне убедительным, что изменения именно в этом гене могли сыграть одну из ключевых ролей в появлении различий между морфологическим обликом неандертальцев и людей современного типа.

Наиболее полно гены, отвечающие за различия морфологии скелета между людьми современного типа и неандертальцами, выявлены в работе Castellano 2014 г. На основе ее результатов были сделаны интересные выводы о том, что во время разделения предков людей современного типа и неандертальцев гены, связанные с морфологией скелета, в большей степени изменялись у предков неандертальцев, чем у предков людей современного типа (в геноме предков современных людей изменения в большей степени затрагивали гены, связанные с поведением и пигментацией). Специфические неандертальские аллели выявлены в двух десятках генов, связанных с формированием костной конституции. Из-

вестно, что у людей современного типа некоторые патологические изменения в этих генах связаны с различными костными деформациями, дисплазией в дефектах развития ряда костей.

Все же, рассуждая, нужно сказать, что наши знания о связи между морфологическим и генным полиморфизмом пока недостаточны, также, по-прежнему, не очень ясен и характер этих связей, чтобы говорить точно о том, какие именно изменения и в каких генах обеспечивают те или иные морфологические особенности. Но некие основные ориентиры в этом направлении уже заданы. Вероятно, морфологические изменения у неандертальцев были связаны с большим числом генетических изменений, чем у людей современного типа. В то же время некоторые мутации в ряде ключевых для морфогенеза генах, таких, как *RUNX2*, совершенно не затронули геном неандертальцев, хотя наверняка сыграли важную роль в формировании облика современных людей. Может быть даже, что у людей современного типа внешний облик формировался под влиянием изменений в небольшой, но очень важной совокупности регуляторных генов, вовлеченных в морфогенез, в то время как у неандертальцев внешний облик формировался под влиянием изменений в генах разной значимости, – как очень важных, так и второстепенных. Но на современном уровне знаний к таким предположениям нужно относиться с определенной долей осторожности и необходимо ждать появления новых данных.

Взаимосвязь между морфологическими и генетическими маркерами бесспорно существует. Очевидно, что многие (хотя и не все) морфологиче-

ские особенности зависят от наследственности, а не от полноценности питания и любых других признаков внешней среды. Т.И. Алексеева в своей работе «Адаптация человека в различных экологических нишах Земли» приводит немало примеров в пользу справедливости этого положения: индекс Рорера, длина и поверхность тела. В то же время она приводит и другие случаи, когда выделенные адаптивные морфологические особенности могут формироваться в результате адаптации в постнатальный период, не будучи наследуемыми, как, скажем, развитая грудная клетка и удлиненные конечности в горных популяциях [1]. Эти примеры совершенно не должны вызывать каких-то неуместных в данном случае сомнений, т.к. не всегда гены строго детерминируют признак и жестко фиксируют его в узком диапазоне значений, многие гены просто задают рамки для его проявления. Когда такие рамки возможных фенотипических проявлений гена бывают очень широкими, то такое явление у генетиков называется «широкой нормой реакции» гена. Сам же такой тип изменчивости, где морфологические и любые другие признаки широко варьируют при одном и том же генотипе, называют модификационной изменчивостью. Очевидно, что если норма реакции гена широка, то и модификационная изменчивость определяемого им признака будет сильно варьировать.

Самый интересный вопрос – какие именно гены могут влиять на жестко зафиксированные в наследственности морфологические признаки, если они связаны с модификационной изменчивостью. К сожалению, точная при-

вязка конкретных морфологических признаков, связанных с особенностями скелета к конкретным генам, пока еще затруднительна. Но наиболее вероятно, что большая часть морфологических признаков скелета, определяющих межрасовые отличия человека и межвидовые отличия гоминид, кодируется сразу многими генами, т.е. эти признаки скорее всего полигенны. Но наследуемые морфологические различия в фенотипе не обязательно должны появляться из-за работы большого количества специфичных для каждой группы аллелей. Они могут быть больше связаны с разной настройкой и последовательностью включения одних и тех же регуляторных каскадов, участвующих в морфогенезе (что может обеспечиваться различиями в метелировании регуляторных элементов), при этом сам фонд аллелей, вовлеченных в формирование морфологических признаков, может быть и не таким большим. Одни из случаев, когда различия в регуляции морфогенеза могут быть связаны не столько с разными аллелями, сколько с разным уровнем метилирования, является семейство генов *HOXD*. Эта группа генов участвует в костеобразовании. Обнаружено, что у неандертальцев гораздо более высокий уровень метилирования этих генов, чем в геноме человека современного типа [78].

Активное использование в конце XX в. однородительских маркеров (митохондриальной ДНК и Y-хромосомы), для реконструкции ранней истории человечества выявило очень убедительные факты в пользу очень жесткой версии моноцентризма. Так, было установлено, что выявленные у современного человечества митохондриальные

линии человечества сходятся к одному корню и имеют практически бесспорное африканское происхождение [56]. То же самое было продемонстрировано для Y-хромосомной ДНК [59]. При этом у неандертальцев был выявлен совершенно иной фонд гаплогрупп, не имевший ничего общего с тем набором, который когда-либо был выявлен у современных людей [63]. Возраст разделения митохондриальных линий неандертальцев и человека современного типа, равный примерно 660 тыс. лет, значительно превышал возраст разделения основных магистральных стволов у современного человечества, равный 210-140 тыс. лет [56; 64]. Время разделения всех гаплогрупп Y-хромосомы еще более позднее, чем для митохондриальной ДНК, оно не превышает 140 тыс. лет. Можно было бы предположить, что такое давнее разделение неандертальцев и людей современного типа просто сопровождалось длительной изоляцией, где в каждой группе накопился свой независимый пул вариантов; а потом, при расселении человека современного типа из Африки, оно могло смениться ограниченным смешением и обменом линиями. Но т.к. ни неандертальские линии в геноме современного человека, ни линии современного человека в неандертальском геноме не были выявлены, каких-либо реальных доказательств в пользу обмена линиями и, следовательно, смешения этих двух групп, не было.

Но необходимо заметить, что однородительские маркеры, при ряде достоинств (например, отсутствии рекомбинации, селективной нейтральности) имеют один существенный недостаток – число носителей каждого митохон-

дрияльного или Y-хромосомного гаплогруппа всегда будет в четыре раза меньше эффективной численности популяции (из-за их гаплоидности и из-за того, что они могут быть только у одного родителя). Поэтому они сильнее, чем аутосомные маркеры, будут подвержены влиянию дрейфа генов (из-за колебаний численности, эффекта основателя), и с большей вероятностью будут уносить из генофонда какие-то редкие аллели, стирая записи из генной летописи популяции. Ну и, наконец, при всей их информативности и ценности, они еще не представляют весь геном.

Развитие и удешевление технологий полногеномного секвенирования вместе с развитием алгоритмов обработки большого массива данных подарило новые возможности и инструменты в анализе аутосомных маркеров, что было прежде недостижимо из-за высокой дороговизны технологических процессов и низких вычислительных мощностей. Полученные с помощью секвенирования всего генома новые данные свидетельствовали в пользу того, что небольшая доля неандертальских генов попала в генофонд современного человечества.

Главный вопрос, который закономерно здесь возникает: является ли выявленный компонент именно результатом метисации? Не может ли он просто быть общим элементом генома людей современного типа и неандертальца? Доказательством этого является очень простая вещь. Изначально определяли круг молодых аллелей, которые были обнаружены у гоминид (и неандертальцев, и людей современного типа), но отсутствовали у шимпанзе. Далее ожидалось, что, если среди этих эволюционно молодых аллелей

какие-то отсутствуют у населения Африки, где неандертальцы неизвестны, но присутствуют у неафриканской части человечества, чьи предки во время первых этапов переселения в остальные части света с неандертальцами пересекались, значит, эти гены попали к неандертальцам во время метисации. Иные варианты предположить сложно, т.к. все косвенные признаки говорят о том, что неандертальцы дальше от человека, чем любые подгруппы людей современного типа [63].

Действительно, ряд аллелей выявлен у всех неафриканцев: у европейцев (французов), и монголоидов (китайцев), и даже папуасов. Их общая доля равна 4%. Наоборот, как у негроидов (йоруба), так и у бушменов эти аллели вообще не выявлены либо число таких аллелей исчезающе мало [63]. Это странное распределение неандертальского генофонда в современном населении находит разумное объяснение в том, что неандертальцы смешивались не со всеми предками современных людей, а лишь с той их частью, которая стала выходить за пределы Африканского континента. С оставшимися в Африке людьми неандертальцы не пересекались и поэтому не смешивались.

Недавние работы выявили интересные дополнения к этой картине; оказалось, что небольшой, но заметный компонент неандертальского генома выявлен у восточноафриканских масаев [82]. Кроме того, установлено, что доля неандертальских генов в генофонде современного населения Восточной Азии несколько больше, чем в генофонде современных европейцев [82]. Недавний анализ древней ДНК из Тяньюаня (Tianyuan) в Китае, выделенной из останков, возраст которых

оценивается примерно в 40 тыс. лет, также показал наличие примеси неандертальских генов. При этом фило-генетическая реконструкция на основе данных аутосомных однонуклеотидных замен в 21 хромосоме указывает на большую близость генома Тяньюаньского человека к геному современных восточноазиатских народов и индейцев, чем к европейцам. Т.е. неандертальская примесь в населении Восточной Азии присутствует бесспорно очень давно и восходит еще ко временам формирования этого населения.

Все-таки, учитывая биологические закономерности, мы можем сказать, что межвидовая метисация если и возможна, то вряд ли она оставила бы после себя популяцию метисов. Такие межвидовые взаимоотношения, как правило, приводят к нежизнеспособному или бесплодному потомству. Так кого же мы находим по всему Средиземноморскому побережью в мустьерскую эпоху? Это находки (Ортю, Лагар Вельо, Охос, Шубайлук, Велика Печина, Виндия, Ханеферзанд и т.д.), в которых ряд авторов находят и сапиентные и неандерталоидные характеристики. Чаще всего эти находки располагаются в зонах постоянных миграций.

Вероятней всего, разновекторность миграционных процессов не позволяла в этом регионе формироваться аллопатрическим путем новым видам Человека. Поэтому *Homo heidelbergensis*, имея в своей морфологии некоторые сапиентные и/или неандерталоидные характеристики, в Средиземноморье формировали различные метисные варианты, максимально стабилизирующиеся только на подвидовом уровне.

В связи с этим можно только добавить, что неандертальцы как вид и

внутривидовые метисы гейдельбергского человека, скорее всего, не выдержали конкуренции как физической, так и экономической с качественно новыми пришельцами из Африки – *Homo sapiens*.

Таким образом, мы придерживаемся, на сегодняшний день, первой модели распространения человека современного типа, согласно которой происходило замещение неандертальских популяций при расселении по Европе.

Л.Ф. Копосов

Родство языков и проблема моногенеза

На земном шаре насчитывается до 6000 языков, различных по своей структуре, по количеству говорящих на них людей, особенностям исторического развития, выполняемых в обществе функциям. Точное число языков установить невозможно, так как во многих случаях нет возможности разграничить язык и его территориальную разновидность – диалект: такое разграничение часто проводится не по лингвистическим, а по социально-историческим и политическим соображениям. Так, до революции 1917 г. большинство специалистов-филологов считали украинский и белорусский языки диалектами русского языка (в его составе различались наречия: северновеликорусское, южновеликорусское, малорусское и белорусское); действительно, каких-либо существенных языковых различий, затруднявших речевое общение восточных славян, не было. Однако в связи с образованием

СССР Украина и Белоруссия приобрели статус союзных республик, при этом были признаны самостоятельными украинский и белорусский языки.

Человечество издавна интересовал вопрос о происхождении языка, причинах и времени возникновения различных языков мира. Согласно религиозным представлениям, божественная сила создала единый для всех людей язык. Согласно библейскому преданию о вавилонском столпотворении Бог, разгневанный действиями потомков Ноя, задумавших построить башню, чтобы достигнуть небес, смешал их языки так, что они перестали понимать друг друга. В соответствии с этим ветхозаветным преданием исходным языком-источником всех языков вплоть до XVII в. считался древнееврейский. В дальнейшем проблема моногенеза перестала интересовать учёных и возродилась уже на новой почве в XX в. (см. об этом ниже). Правда, свою теорию моногенеза предложил в своё время Н.Я. Марр, утверждавший, что в языке первобытного человека содержались четыре элемента (саль, бер, йон, рош), которые в разных комбинациях с другими элементами можно обнаружить в любом языке мира. Но эта теория за полным отсутствием доказательств была отвергнута.

Существуют различные возможности классификации языков мира. Наиболее известной является генеалогическая классификация, учитывающая родственные связи языков. Родственными считаются языки, восходящие к одному историческому источнику – т.н. праязыку. Русский, украинский и белорусский восходят к древнерусскому языку, который существовал как относительно единое образование до

XIV – XV вв. Но эти языки родственны и таким языкам, как болгарский, сербский, македонский, чешский, словацкий, польский и др., т.е. остальным славянским языкам, так как все они, в свою очередь, восходят к т.н. праславянскому языку, который, как полагают, распался в V – VI вв. н.э. Более далёкое родство обнаруживается между славянскими и многими другими языками мира, восходящими к индоевропейскому языку-основе, распад которого учёные относят к IV – V тысячелетию до н.э.

Все родственные языки объединяются в семьи, которые принято разделять на ветви (группы) и далее на группы (подгруппы). Так, наиболее изученная индоевропейская семья включает 12 ветвей (2 из них представлены только мёртвыми языками).

Родство языков лежит в основе т.н. сравнительно-исторического языкознания (компаративистики), возникшего в начале XIX в. и использующего собственный и, как выяснилось в дальнейшем, довольно точный метод исследования языковых фактов. Одним из важнейших факторов, способствовавших формированию компаративистики, был древний индийский литературный язык – санскрит, получивший известность в Европе благодаря работам Вильяма Джонса, который обратил внимание на поразительное сходство санскрита с известными к тому времени древними языками и отметил, что такое сходство не может быть случайным.

Важную роль в становлении сравнительно-исторического языкознания сыграл выдающийся немецкий учёный-языковед Август Шлейхер (1821 – 1868), разработавший методику ре-

конструкции звуков и форм индоевропейского языка и написавший даже басню на этом языке. А. Шлейхер был главой т.н. натуралистического направления в языкознании. Увлечённый идеями Ч. Дарвина, он считал языки живыми организмами, которые рождаются, развиваются, достигают расцвета, а затем стареют и умирают. Языкам свойствен естественный отбор: сильные «экземпляры» языков выживают, слабые погибают. Так, языки американских индейцев обречены на вымирание, якобы, из-за сложности своих форм. Нетрудно видеть, что гибель этих языков объясняется социально-историческими причинами, а именно вымиранием говоривших на этих языках племён.

Наряду с проблемами сравнительно-исторического изучения языков, Шлейхер занимался типологической классификацией языков. Он предложил классификацию, основанную на морфологических признаках, и выделил три типа языков: корневые, или изолирующие, агглютинирующие и флективные. Полисинтетические языки как отдельный тип Шлейхер не признавал, считая их разновидностью агглютинирующих языков. При этом Шлейхер ошибочно полагал, что все языки проходят одинаковый путь развития – от корневых к агглютинирующим и далее – к флективным. Таким образом, степень развития языка, по мнению Шлейхера, зависит от принадлежности к тому или иному типу.

А. Шлейхер явился основоположником теории родословного древа, которая наглядно представляет историю формирования современных индоевропейских языков, восходящих к общему «стволу» – праязыку. А. Шлейхер

строит эту теорию в соответствии со своими биологическими воззрениями: индоевропейские языки возникают как результат простого распада языка более высокого уровня, они как бы отпочковываются от ствола или ветви. Индоевропейский язык первоначально распался на две ветви: арио-греко-итало-кельтскую и славяно-германскую; каждая из этих ветвей разделилась на группы, эти группы также распались на отдельные группы; в результате такого распада в конечном итоге возникли все индоевропейские языки. Так, славяноязыкио-германская ветвь разделилась на две группы: германскую и балто-славянскую, последняя дала начало балтийским и славянским языкам. Теория родословного древа в основных своих чертах сохраняет свою актуальность до настоящего времени, хотя образование конкретных языков рассматривается не в биологическом, а историческом аспекте с учётом процессов как дивергенции (расхождения), так и конвергенции (схождения).

Важный этап в развитии сравнительно-исторического языкознания связан с деятельностью т.н. младограмматической школы, сформировавшейся в 70-е гг. XIX в. в Германии, но идеи этого направления развивали учёные и в других странах Европы, в том числе и в России. Младограмматики пересмотрели многие положения компаративистики, сделав при этом ряд ценных открытий в индоевропейской фонетике. В то же время благодаря деятельности младограмматической школы получили развитие такие лингвистические дисциплины, как диалектология и фонетика.

XIX в. был периодом господства сравнительно-исторического языкоз-

нения. В XX столетии приоритет стал отдаваться изучению живых языков, однако сравнительно-историческое языкознание не только сохранилось как одно из важнейших направлений лингвистических исследований, но и получило дальнейшее развитие. Были открыты новые материалы: так, чешский учёный Б. Грозный в 1916–1917 гг. расшифровал памятники хеттского языка, относящиеся к XVIII–XIII вв. до н.э. Широко используются теоретические достижения лингвистики, новые методы, в том числе точные. Так, американский лингвист М. Сводеш предложил метод глоттохронологии, который основывается на представлении о том, что основной словарный фонд, отражающий универсальные, наиболее значимые для человека понятия, изменяется медленно и во всех языках с одинаковой скоростью (т.е. процент сохранения этой лексики в единицу времени, например, за одно тысячелетие, представляет постоянную величину), поэтому можно с большой долей вероятности вычислить время распада того или иного языкового единства.

В XX в. возникают теории, предлагающие новые пути решения проблемы развития языков мира. Некоторые учёные (Г. Шухардт, Н.Я. Марр и др.) придают особое внимание процессам скрещивания языков. Теория языковых союзов, сформулированная Н.С. Трубецким, объясняет сходство языков их географической близостью (так, в балканский языковой союз входят языки разных ветвей, обладающие многими общими признаками: славянские, румынский, греческий, албанский). Отдельные учёные вообще отрицают сравнительно-исторический метод. Так, основоположник «ново-

го учения о языке» Н.Я. Марр, пытавшийся внедрить в языкознание марксизм, но не обладавший элементарной философской подготовкой, считал сравнительно-историческое языкознание буржуазной наукой, потому что оно привлекало к исследованию языки господствовавших наций.

Однако понятие родства языков остается непоколебленным. Более того, сравнительно-историческое языкознание получило дальнейшее развитие в т.н. ностратической теории, в соответствии с которой можно обнаружить родственные связи между различными семьями, образующими генетическое единство более высокого уровня – макросемью. Термин «ностратические языки» (от лат. *nostras* 'наш' был предложен датским лингвистом Х. Педерсеном ещё в 1903 г., но развитие ностратической теории получила только в 60-е гг. XX в. благодаря работам советских учёных В.М. Иллича-Свитыча, А. Долгопольского, С.А. Старостина и др.

Ностратическая макросемья включает в себя многочисленные языки Европы, Азии и Африки. Она делится на две группы:

Западно-ностратические языки:

Афразийские (семито-хамитские);

Индоевропейские;

Картвельские.

Восточно-ностратические языки:

Алтайские (включает семьи: тюркскую, тунгусо-маньчжурскую, монгольскую, корейскую, японскую);

Дравидийские;

Уральские.

Иногда к ностратической макросемье относят также и эскимосско-алеутские языки.

Все эти языки в древности восходят

к общему ностратическому праязыку. А.А. Старостин, используя методику глоттохронологии, определил, что этот праязык распался 10–12 тыс. лет до н.э. К этому же периоду относится и распад языка-источника афразийских языков, которые, по мнению А.А. Старостина, представляют собой отдельную макросемью.

Существует мнение, что ностратические языки относятся к макросемье более высокого уровня – борейским языкам.

Академик В.В. Иванов считает возможным утверждать, что «сравнительно-исторический метод позволяет путём сравнения праязыков отд. макросемей ... наметить формы вероятного исходного праязыка *Homo sapiens sapiens*, т.е. совр. человека, к-рый после своего возникновения ок. 100 тыс. лет назад мог распасться на диалекты, давшие ок. 40 – 30 тыс. лет назад по мере расселения человека из Африки по Евразии и увеличения числа древних людей начало отд. языкам (праязыкам макросемей); ист. типология помогает вскрыть наиболее вероятные пути формирования языковых категорий» [30]. И далее: «Методы антропологии и примыкающих к ней наук (напр., палеоневрологии, реконструирующей особенности мозга по их отражению на черепках) позволяют ориентировочно отнести возникновение естеств. языка в его членораздельной форме к периоду ок. 100 тыс. лет назад, лежащему между неандертальцами (*Homo sapiens*) и первыми людьми совр. типа (*Homo sapiens sapiens*) [30]. Поскольку левое полушарие отвечает не только за речь, но и за координацию движений, язык жестов мог предшествовать звуковому языку [30].

Ностратическая теория и связанная с ней теория моногенеза (происхождения всех языков из одного источника) имеют как сторонников, так и противников. Однако в настоящее время гипотеза моногенеза представляет высокую степень вероятности.

Егоров В.Г.

Глобализация и всемирно-исторический процесс

Глобализация, наряду с другими стадиями развития планетарной цивилизации, обусловленными трансформациями социально-экономического качества, является закономерным этапом мировой истории.

Объективной основой современного «витка» международной интеграции стало вступление человечества в информационную эпоху. Интеллектуализация социально-экономического процесса, превращение знания и информации в главный ресурс общественного прогресса актуализировали «прозрачность» пределов национальных и государственных идентичностей. Современное глобальное взаимодействие обусловлено спецификой феномена знания, имеющего ограниченные возможности локализации в собственности или территории. Трудно представить современное знание, являющееся, в силу интеллектуальной ёмкости, результатом коллективной деятельности, ресурсом, принадлежащим стране или группе стран. Даже при наличии буржуазного права, распространяющегося на интеллектуальную собственность, поступательное движение научного освоения действительности можно, в лучшем случае, не-

сколько притормозить, но неизбежно рост интеллектуального потока преодолевает и эти искусственно конструируемые преграды.

Такой исход противоборства соответствующей индустриальной эпохе правовой формы и интеллектуального мейнстрима тем более очевиден, что имплементация знания в качестве общественной доминанты сопровождается революцией в средствах коммуникации. По словам Элвина Тоффлера, интеллектуализация цивилизационного пространства «требуется более свободных, более быстрых потоков информации. Это будет означать, что каналы пересекают друг друга, идут вверх, вниз и в стороны – нервные пути, которые прорываются через окошки в Таблице организации, чтобы люди могли обмениваться идеями, данными, рецептами, намеками, инсайтами, фактами, стратегиями, слухами, жестами и улыбками, которые, оказывается, так существенны для эффективности» [47, с. 229].

Несмотря на новейшую историю своего происхождения, глобализация подготовлена предшествующим ходом мирового исторического процесса. Истоки глобализации уходят в многовековое стремление человечества к экономическому обмену, обусловленному территориальным разделением труда, который, по словам Ричарда Кобдена, «объединяет человечество узлами мира» или, по крайней мере, связан с «интеграцией мировой экономики в десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне» [49, с. 25].

В основе глобализации лежат планетарные последствия роста материального производства и индустриализации. Хозяйственное освоение

биосферы планеты, мотивированное безудержным целеполаганием на получение прибыли и порожденным рациональной экономикой гедонизмом, генерировало цивилизационные проблемы, связанные с сохранением среды обитания человечества. Свидетельством наднационального характера проблемы экологической безопасности планеты стало создание ряда всемирных общественных организаций: Фонда дикой природы (WWF), Гринпис, Международной ассоциации «Зелёный крест», движения «зеленых» и т.д.

Всеобщая задача сохранения природы объединила страны с различной культурной традицией и политическим строем глобальной ответственностью за будущее планеты.

Многоликость мирового исторического процесса отвергает все попытки установления абсолютных закономерностей общественного развития. «Основное теоретическое положение, характеризующее соотношение логики общемирового развития и каждого отдельного общества, заключается в том, – пишет Н.И. Смоленский, – что данное соотношение во всех случаях своеобразно, индивидуально и не подходит ни под какое общее правило, кроме одного: общеисторический и локальный варианты развития не совпадают не только – конкретно – исторически, но и в значительной мере логически» [42, с. 25].

Тем не менее «единая логика эволюционизма», не предполагающая универсализацию форм, институтов, процессов и тождество национальных исторических опытов, не отрицает всемирного целеполагания на достижение общечеловеческих непреходящих ценностей: свобо-

ды, равенства и справедливости. В ходе развития планетарной цивилизации эти цели и символы актуализировались в качестве духовных скреп нового этапа мировой интеграции.

Исторически приобретённой характеристикой глобализации является совпадение её интеграционного контекста с тенденциями эволюции доминирующей на планете буржуазной социальной системы. Построенный на рыночных отношениях и рациональных принципах извлечения прибыли капиталистический способ производства обладает двумя имманентными качествами. Во-первых, экспансионизмом и, во-вторых, универсализмом. Ещё А. Смит, К. Маркс и его последователи указывали на зависимость эффективности капитала от масштабов потребительского рынка.

Мир-системный подход Иммануила Валлерстайна с Центром и Периферией мировой силы проецирует эту закономерность на логику современной планетарной реальности [17]. Ведущее положение в мире «Центра», составляющего институциональную основу западной цивилизации или стран «золотого миллиарда», обеспечивается за счёт освоения рынков «Периферии» или развивающихся стран.

Сигналом достижения предельных значений расширения рынков стала Великая депрессия (1929-1933 г.г.). Однако вступление капитализма в финансовую стадию развития, означавшую смещения «центра тяжести» в финансовую сферу, значительно расширило его функциональные возможности, – настолько, что многие интеллектуалы определили безграничную перспективу капиталистической парадигмы планетарного развития [50].

Охватывая рынки, распространяя своё влияние на страны и континенты, капитал стирает традиции, взламывает культурные коды, комодифицирует социальные отношения, перестраивает экономическое пространство на рациональной основе. «Мёртвая рука» рынка и адаптация финансовых систем к императивам мировой монетарной архитектуры выстраивает национальные повестки и стратегии в соответствии с «правилами игры», установленными Центром.

Вестернистский мейнстрим иницирует перемены, «которые в конечном счёте (и достаточно быстро, по историческим меркам) революционизируют, т.е. переделают на новый, капиталистический лад всю человеческую жизнь, переделают *повсеместно и необратимо*. ... *Мир миров*, мир множественных сосуществующих социальных и культурных форм будет преобразован путём распространения этого нового «духа», в мир, организованный на принципах глобальной связности и универсализма, *мир капитализма*», – пишет В.В. Лапкин [29].

Однако, обладая имманентным свойством к самовозрастанию, капитал, «принуждая» к социальной динамике вовлекаемые в глобальный обмен территории, порождает тенденцию, диалектически противоположную собственному развитию. Последний мировой финансовый кризис обнажил пределы капиталистической обусловленности глобализации. В связи с исчерпанностью позитивного потенциала капиталистической перспективы планетарной архитектуры, конструктами которой могут быть основания, интегрирующие мировую многоликость культурных традиций, объекти-

визируется альтернативная парадигма глобальной цивилизации. «Действительно, – пишет А.И. Неклесса, – новая социально-культурная феноменология несводима к какой-либо одной известной, исторически реализованной цивилизации, культурно-историческому типу или идеологической системе. В драматичных событиях последнего времени проступает контур какой-то иной, по-своему целостной, хотя не слишком внятной семантики. То есть не исключено, что находясь на кромке ветшающей исторической конструкции, мы присутствуем при зарождении вполне определённой цивилизационной альтернативы со своим ценностями, законами и логикой социальных институтов» [37].

Начертание «не вполне внятной» модели будущей глобальной архитектуры не входит в круг задач настоящей работы. Однако заметим, что начавшие проявляться тренды мирового развития позволяют говорить о некоторых чертах «постсовременности»: депривации материальных факторов экономики, преодолении социальных деструкций, связанных с несовершенством распределения, ассимиляции демократией подлинного народовластия, сублимации институтов планетарного миропорядка, гармонизации общества и природной среды. Учитывая уровень глобальных проблем, имеющих пролонгированный характер, скепсис относительно указанных нарративов фактически граничит с депривацией перспективы планетарной цивилизации. «Формы современной жизни, – говорит Зигмунт Бауман, – могут различаться по ряду аспектов, но их общей чертой является хрупкость, скоротечность, уязвимость и постоян-

ная изменчивость». При этом конкретная «модель глобального общества, глобальной экономики, глобальной политики, глобальной правовой системы» пока не просматривается.

«Казавшийся прочным каркас, на котором держалась плоть истории, – говорит З. Бауман, – разорван на части, и ни один институт – ни на первый взгляд, ни при тщательном рассмотрении – не в состоянии собрать их воедино. «Экономические интересы» вновь, как и во времена отделения предприятия от домохозяйства (которое Маркс Вебер позже определил как момент зарождения индустриальной революции и современного капитализма), оказались в движении и имеют все меньше точек привязки, материальных или концептуальных, которые удерживают их на месте или ограничивают выбор траектории. С точки зрения времени они переходят из одного кризиса в другой, что говорит об очередном раунде перераспределения глобального богатства и перегруппировки глобальных сил. С точки зрения пространства они смещают локальные центры глобальных кризисов: капитализм следует модели паразитических жизненных форм – «организмы-хозяева», приближающиеся к истощению, лишаются своих активов, которые уже не обещают быстрой прибыли от инвестиций, оказываются брошенными на произвол судьбы» [35].

Альтернативный социалистический «проект», способный восстановить целостность всемирно-исторической «ткани», может актуализироваться в обновлённой семантике, имеющей с прежним опытом его реализации сходство лишь в целях построения социально гармоничного общества. Од-

нако современное прочтение социалистической альтернативы предполагает безусловность нескольких императивов: преодоления отчужденности от труда и его результатов и несправедливого распределения на основе достижения «высшей производительности труда» 31], а также и технологического уровня, позволяющих ликвидировать неравенство в потреблении. Целеполагание на реализацию практик, связанных с указанными императивами, невозможно в рамках территориальных локализаций, но способно детерминировать содержание глобальной тенденции мирового развития.

Финансовая стадия капитализма породила адекватную социальную страту – интернациональную элиту, интересы которой консолидируются вне границ национальных государств. По выражению Ж. Аттали, эта группа «граждан мира» стала «новыми кочевниками», для которых не существует границ и культурной «осёдлости» [4].

О могуществе финансовой олигархии, выходящем далеко за пределы государств, говорят несколько фактов: «В последние десятилетия прошлого века стоимость ценных бумаг развитых капиталистических стран увеличивалась примерно на 6% в год, что вдвое опережало рост выпуска товаров. Совокупная стоимость финансовых активов стран-членов ОЭСР на рубеже веков превышала общий объем их производства в два раза. В 2009 г. стоимость мирового ВВП достигла 55 трлн. долл., в то время как общая стоимость деривативов всех видов составила абсурдную цифру в 900 трлн. долл.» [23].

Универсализация пространства обращения финансов, предполагающая

депривацию национальных и государственных идентичностей, создаёт ложное представление о тождестве глобализации (как объективного процесса) и намерения мировой финансовой элиты «оседлать» её конструктивные результаты. При этом для достижения контроля за глобальными финансовыми потоками, требующего прозрачности государственных границ и управления политическими процессами, международный финансовый интернационал одинаково успешно использует как ресурс глобализации, так и регионализации. «Продвижение глобалистских интересов (финансовой элиты. – прим. авт. – В.Е.) связано со стремлением исключить саму возможность появления внутри государств и их союзов локальных субъективных факторов, оппозиционных глобальному, т.е. олигархии. В суверенных странах ее интересы проводятся «пятой колонной» в лице компрадорской «смычки» части политических, деловых и научных элит, а также крупных СМИ и НПО с иностранным финансированием, относящих себя к так называемому глобальному гражданскому обществу» [39, с. 12].

Инкорпорированность финансовой олигархии в мировой интеграционный процесс институализирована в соответствующих структурах. Основу институтов, «вершающих судьбы планеты», составляет симбиоз лондонского Королевского института международных отношений (Chatham House) и американского Совета по международным отношениям (CFR или СМО).

В 70-е гг. прошлого столетия структуры финансового интернационала пополнил Бильдерберский клуб, Трёхсторонняя комиссия и Римский клуб,

имеющие функциональную специализацию.

Всеобщая тенденция мировой интеграции активно используется центрами мировой силы с целью достижения локального или планетарного лидерства. И если генерирование сообществ стран со схожими естественными условиями, культурными традициями, политическими предпочтениями имеет основание в виде объективного процесса регионализации, то попытки гегемонизма в масштабах всей планеты обречены на неудачу. Кру-

шение биполярного мира инициировало внешнеполитическую стратегию Вашингтона на установление полного господства на планете. Однако гегемонистские планы США, продавливающих национальные интересы в качестве контента глобализации, вступают в противоречия с интересами мирового сообщества. Результаты опроса населения планеты Международным исследовательским Центром Гэллага (Gallup International) проведённого в 2014 г., красноречиво подтверждают сказанное [26, с. 278].

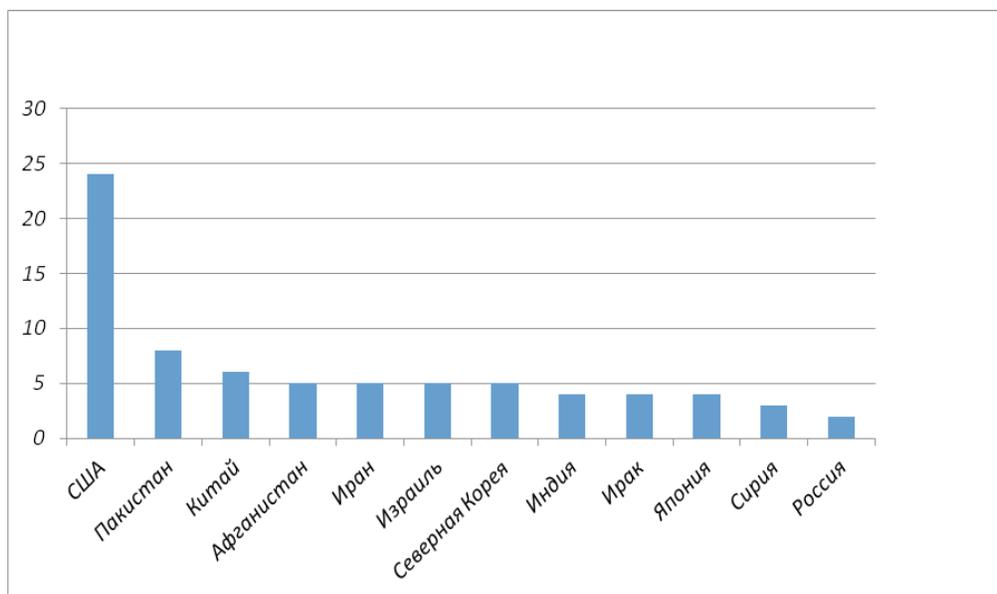

Диаграмма 1. Распределение ответов на вопрос: Какая страна, по Вашему мнению, представляет наибольшую угрозу миру? (Не представлены варианты ответов «Другое» и «Затрудняюсь ответить»)

Монополярная архитектура не соответствует «культурному концерту» планеты, а локализация тенденции глобализации искусственно выстроенными границами политических предпочтений одной страны актуализирует возможность inferнального сценария планетарной перспективы.

Таким образом, глобализация составляет одно из закономерных направлений всемирно-исторического процесса, проявляющееся и развивающееся в единстве с противоположным, но также закономерным вектором общественной эволюции – регионализацией. Современная тенденция

мировой интеграции подготовлена предшествующим ходом развития планетарной цивилизации.

Как и всегда случалось в истории, социальные новации используются «уходящими» силами, стремящимися использовать ресурс нового для продления своего присутствия на «исторической сцене» и нарождающимися силами, способными обеспечить цивилизационный прогресс. Противоборство встречных потоков социальной силы, актуализировавшееся в современном мейнстриме глобализации, может стать источником поступательного движения человечества или «закатом истории».

Бруз В.В.

Бильдербергский клуб – история и политика в отношении России

Интерес к Бильдербергскому клубу вызван отнюдь не праздным любопытством. Объясняется это, прежде всего, составом его участников, целями и задачами организации и тем влиянием, которое она оказывает на процессы, происходящие в мире.

Бильдербергский клуб, как говорится на недавно появившемся его официальном сайте, – это ежегодная трёхдневная конференция, направленная на укрепление диалога между Европой и Северной Америкой [38].

Появление этой организации связано с кардинальными изменениями, происшедшими в мире после окончания Второй мировой войны, началом объединительных процессов в Европе, возникновением недопонимания между Старым Светом и США, а также

ростом коммунистического движения, породившего стремление Запада противостоять «коммунистической угрозе». Для решения этих задач необходимо было более тесное сотрудничество.

Идея проекта такого сотрудничества принадлежит одному из основоположников «европейского единства», генеральному секретарю «Европейского движения» Джозефу Ретингеру, стремившемуся, как он позднее написал в мемуарах, «подчинить весь мир европейскому идеалу» [3]. Д. Ретингер имел контакты с самыми влиятельными политическими лидерами Западной Европы того времени, в том числе с премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем и канцлером Западной Германии Конрадом Аденауэром, которые оказывали Д. Ретингеру поддержку и покровительство во всех его начинаниях [3].

Проект создания площадки для неформального общения крупных политиков и предпринимателей из европейских стран и США, своего рода клуба для продвижения по миру «западных ценностей», Д. Ретингер предложил голландскому принцу Бернарду.

Своё видение политических целей и задач этого клуба Д. Ретингер изложил в преамбуле разработанной им концепции. Суть сводилась к тому, что, с геостратегических позиций, главным и естественным врагом англосаксов на пути к мировой гегемонии является Россия. Для того чтобы установить контроль над этой страной, необходимо выработать стратегию, в соответствии с которой США и их союзники должны, как анаконда, сдавливать Россию со всех сторон: с запада – Германия и Великобритания, с востока –

Япония. На южном направлении надо создать государство-вассал, которое, раскинувшись между Каспийским, Чёрным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом, плотно закрыло бы выход России к Индийскому океану. Такого государства пока не существует, но нет причин, чтобы оно не появилось в будущем [3].

Многие исследователи отмечают, что изначально в организации конференций значительную роль сыграло ЦРУ, – прежде всего, в виде финансовой поддержки самого мероприятия [8].

Первая встреча состоялась в отеле Бильдерберг в Остербеке (Нидерланды), она проходила с 29 по 31 мая 1954 г. Представители экономической, социальной, политической областей и сферы культуры были приглашены для проведения неофициальных дискуссий, с тем, чтобы лучше разобраться в сложных проблемах и главных тенденциях, затрагивающих западные страны в трудный послевоенный период [38]. Обращаясь к участникам конференции, принц Бернард так определил её формат: «Мы предлагаем вам совершенно искренне и открыто обмениваться мнениями. Дословных цитат зафиксировано не будет. Прессы не будет, так что вы можете дать себе волю, если вы позволите мне так выразиться» [9].

Со временем встречи стали форумом для обсуждения широкого диапазона тем – от торговли до рабочих мест, от валютной политики до инвестиций и от экологических проблем до задачи обеспечения международной безопасности [38].

Написавший биографию принца Бернарда А. Хэтч утверждает, что

Бильдербергский клуб являлся колыбелью Европейского сообщества – позднее переименованного в Европейский Союз [9].

На протяжении более шестидесяти лет, ежегодно 120-150 представителей американской и западноевропейской элиты – крупнейших политических деятелей, банкиров, руководителей транснациональных корпораций, интеллектуалов-аналитиков – экономистов и политологов, а также представителей средств массовой информации приглашаются принять участие в конференции. Примерно две трети участников – из Европы и остальные – из Северной Америки; одна треть от политики и правительств, а остальные – из других сфер [38].

Совещания проводятся по правилу «Чатем-Хаус», в соответствии с которым участники могут свободно использовать полученную информацию, но ни личность, ни принадлежность докладчика(ов), ни каких-либо других участников разглашать не могут [38].

На каждое заседание Бильдербергского клуба, в зависимости от меняющейся международной обстановки, приглашаются новые участники. Однако, как свидетельствует участник Бильдербергской конференции 1999 г. в Португалии, бывший министр обороны Нидерландов Франк де Храве: «Попасть туда можно только по приглашению. Нельзя напроситься самому, послать своё резюме – об этом можете забыть...» [9].

Структура Бильдербергского клуба, как полагают некоторые исследователи, включает в себя три круга. «Внешний круг» объединяет до 80% участников собраний. Члены этого круга знают только часть реальной

стратегии и истинных целей организации. Второй круг, более закрытый, – Комитет управления (Steering Committee), состоящий из 35 человек, знакомых с задачами группы примерно на 90%. Узкий круг – Консультативный комитет (Advisory Committee), состоящий примерно из десяти человек, досконально знающих подлинные цели и стратегию организации и обладающих всеми полномочиями по делам группы в период между её ежегодными заседаниями [7].

Считается, что актив клуба объединяет 383 человека, треть из которых – американцы, – представители аппарата Президента США, Госдепартамента, крупнейших корпораций, банков и деловых кругов, а остальные – европейцы. Фактически руководителем Бильдербергского клуба является Д. Рокфеллер, формальным председателем – американец П. Каррингтон. Кроме того, клуб имеет двух «достопочтенных генеральных секретарей»: одного – по Европе и Канаде, другого – по США. Штаб-квартира Бильдербергского клуба находится в Нью-Йорке, в помещении Фонда Карнеги. Организацию совещаний и безопасность участников обеспечивает та страна, на территории которой собираются члены клуба [9].

Один из наиболее авторитетных исследователей Бильдербергского клуба, журналист и писатель Даниэль Эстудин, автор книги «Подлинная история Бильдербергской группы», называет среди участников этой организации таких представителей мировых элит, как Дэвид Рокфеллер, Эдмунд де Ротшильд, Пол Волфовиц, Генри Киссинджер, Джордж Сорос, Руперт Мердок, Алан Гринспен, Валери Жискара

д'Эстен, Ангела Меркель, Билл Клинтон, Гордон Браун, Дональд Рамсфельд, Збигнев Бжезинский, Маргарет Тэтчер, Романо Проди, Роберт Макнамара и других глав государств, влиятельных сенаторов, конгрессменов и парламентариев, генералов Пентагона и НАТО, членов Европейских королевских семей, знаковых медийных личностей. Туда постепенно вводятся и другие участники, такие, как Барак Обама и многие высокопоставленные чиновники его правительства. Также в группе всегда хорошо представлены руководители из Совета по международным отношениям, МВФ, Всемирного Банка, Трёхсторонней комиссии, Евросоюза, и могущественные банкиры из Федерального резерва и Европейского Центрального Банка [41].

Обращает на себя внимание тот факт, что практически все известные участники Бильдербергского клуба занимают по отношению к нашей стране, мягко говоря, недружественную, а часто – откровенно враждебную позицию. Видимо, этим объясняется и то, что на заседаниях клуба Россию представляют участники, известные своей прозападной ориентацией. Это А. Чубайс, Г. Каспаров, Г. Явлинский, сотрудники Центра Карнеги Л. Шевцова и Д. Тренин, Е. Немировская и другие. В 2015 г. Россию представлял С. Гуриев из Открытой России Ходорковского, эмигрировавший во Францию.

Руководители крупнейших мировых СМИ, как правило, присутствуют на встречах клуба или присылают своих представителей. Они хорошо информированы о программе этих встреч, однако никогда не рассказывают об этом в своих СМИ. В этой связи интересное высказывание Д. Рокфелле-

ра приводит в книге «Матрица власти» американский писатель, исследователь Дж. Максвелл. Выступая 8 июня 1991 г. на встрече Трёхсторонней комиссии в Эссене (Германия), Д. Рокфеллер сказал: «Мы благодарны The Washington Post, The New York Times, Time Magazine и другим крупным изданиям, чьи директора посещали наши встречи и уважали своё обещание сохранить конфиденциальность на протяжении почти сорока лет. Нам было бы невозможно разработать наш план для всего мира, если бы он был предан огласке в те годы. Но теперь мир стал сложнее и он готов идти к мировому правительству. Наднациональная верховная власть интеллектуальной элиты и банкиров мира, несомненно, более предпочтительна, чем национальное самоопределение, практиковавшееся в прошлые столетия» [74, с. 15, 16]. Анализ даже весьма ограниченного круга источников, касающихся Бильдербергского клуба, даёт основания для серьёзного отношения к таким высказываниям, учитывая изменения, происходящие в современном мире.

По мнению Д. Эстулина, Бильдербергская группа стремится ликвидировать национальный суверенитет и заменить его всемогущим глобальным правительством, которому будут подконтрольны корпорации и вооружённые силы [41].

Наряду с этой точкой зрения, которую разделяют многие исследователи, существуют и другие. Так, по мнению британского экономиста Уилла Хаттона, Бильдербергский клуб не является исполнительным советом. У. Хаттон не без основания полагает, что достигнутый на каждой встрече клуба консенсус является фоном, на котором принима-

ются политические решения во всём мире. То, что решает Бильдербергский клуб, может быть реализовано позднее на встрече Большой восьмёрки, а также Международным валютным фондом, Всемирным банком [9] и другими международными организациями.

Авторы «Энциклопедии знаков и символов» утверждают, что уже на первом заседании клуба, на котором присутствовали Д. Рокфеллер, президент Фонда Карнеги Д. Джонсон, председатель Корпорации Баруха Д. Колеман и др., был принят целый ряд документов, в которых формулировалась программа создания нового мирового порядка, а также конкретные пункты стратегической деятельности Запада по отношению к СССР и странам третьего мира. Каждому приглашенному выделялось 8 минут на выступление, но основное общение происходило вне официальных заседаний [9].

Сотрудник Нидерландского института военных документов NIOD Херард Аалдерс, основываясь на обнаруженных им в лондонском архиве секретных протоколах заседаний клуба, в частности отмечает, что в протоколах 1999 г. речь идёт о Косово. Имена выступающих не указано. Вместо этого – просто «Выступающий-1 сказал то-то, выступающий-2 сказал то-то» [7]. Таким образом, теперь совсем небезосновательно выглядят обвинения Бильдербергского клуба в развязывании войны на Балканах. Интерес США к контролю над балканскими трубопроводами проявляется всё более отчётливо. Под этим углом следует рассматривать и захват Ирака.

Немногие протоколы заседаний, оказавшимися в распоряжении некоторых изданий, свидетельствуют о том,

что «бильдербергцы» особо пристальное и предвзятое внимание уделяли СССР и «угрозе» распространения коммунистических идей на планете. Так, например, по данным И.Г. Атаманенко, среди вопросов, обсуждавшихся на конференции в 1955 г., – отказ Советскому Союзу во вступлении в НАТО. 1962 г. – Карибский кризис, советские ракеты на Кубе. 1964 г. – внутриполитическая обстановка в СССР в связи с отстранением Хрущева от власти. 1980 г. – ввод советских войск в Афганистан, адекватные меры Запада, резолюция по отказу от участия в Олимпийских играх в Москве. 1985 г. – поддержка инициативы Горбачева по оздоровлению экологической обстановки в Советском Союзе, предоставление СССР займов МВФ. 1989 г. – работа с окружением Горбачева. 1991 г. – попытка переворота в СССР, упредительная реакция США и Западной Европы на возможное отстранение Горбачёва от власти, выработка единой платформы в отношении курса Ельцина [3].

Сегодня, по прошествии многих лет, можно уже оценить, насколько правительства стран Западной Европы придерживались установок, выдвинутых Бильдербергским клубом.

Среди относительно недавних событий хотелось бы обратить внимание на решение Бильдербергской конференции 1985 г., касающееся поддержки инициативы М.С. Горбачёва по оздоровлению экологической обстановки в Советском Союзе. Реализация этой инициативы, при активной поддержке появившихся многочисленных отделений «зелёных», направляемых «Гринпис», путём заказных публикаций, теле и радиопередач, спровоцировавших

у населения страны страх перед повальным заражением сальмонеллёзом, привела к тому, что в 1987 г. советский птицепром рухнул, а страну наводнили «ножки Буша».

Следующий удар «зелёные» нанесли по отечественным овощам и фруктам, якобы перенасыщенным нитратами. В результате прилавки заполнились продукцией из Голландии, Бельгии, Франции. В итоге сельское хозяйство было уничтожено. А «зелёные», выполнив свою задачу, исчезли.

По информации хорошо осведомлённого эксперта по Бильдербергскому клубу Д. Эстулина, «головной болью» Бильдербергской конференции в мае 2012 г. был президент России В. Путин из-за его «противодействия войнам в Сирии и Ираке», «агрессивного неприятия окружения России американскими базами», «упорстве в установлении полного государственного суверенитета», планов по прокладке ещё одного газопровода в Европу («Южного Потока»), который «мог превратиться в главную победу России – за счёт конкурирующих проектов (трубопровода «Набукко»), поддерживаемых Бильдербергским клубом, а также из-за идеи Путина по созданию «мощного наднационального союза между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [61].

По словам Д. Эстулина, на этой конференции «... один из европейских участников Бильдербергского клуба открыто признал, что «Путин – безоговорочно самый грозный оппонент нашим планам на мировой арене». Моральная позиция Путина, состоящая в «защите и продвижении национальных интересов России» [61], существенно осложняет позицию бильдербержцев.

Иными словами, Путин ничего плохого не делал, и участникам Бильдербергского клуба это известно. Но он стоит на пути «наших планов», каковы бы они ни были. Как говорится, ничего личного, только бизнес.

Таким образом, Бильдербергский клуб представляет собой международную организацию, оказывающую огромное влияние на мировую политику. Россия, как ранее Советский Союз, рассматривается бильдербержцами в качестве недружественной силы, стоящей на пути реализации их планов. В настоящее время это противостояние серьёзно обострилось. Объявленные США, Канадой и Евросоюзом санкции против нашей страны – ещё одно тому подтверждение.

Штоль В.В.

Европейский союз – надолго ли?

На протяжении своей многовековой истории на Европейском континенте шли как интеграционные, так и дезинтеграционные процессы. Поводы и идеи их были разные, но в результате появлялись то крупные объединения европейцев, то суверенные государства в той или иной конфигурации, а их народы без учёта своего ареала оказывались гражданами разных стран, а чаще всего становились разделёнными народами (греки, немцы, французы, поляки, южные славяне и т.д.).

Ещё до новой эры в Европе образовалась Римская империя, к II в. н.э. владевшая наибольшими европейскими территориями. Империя пала в IV в. н.э. под натиском варваров и востановилась покорённых народов. Но уже

в конце следующего века возникло Франкское государство, ставшее империей во времена Карла Великого из династии Каролингов (742–814 гг.). Это раннефеодальное государство включало почти всю Западную и часть Центральной Европы, в середине IX в. разделённое между наследниками Карла Великого. Следующим большим объединением в Европе была Священная Римская империя германской нации (962–1806 гг.). В неё входили территории Германии, Северной и Центральной Италии, Чехии и некоторых регионов Франции. Священная Римская империя рассматривалась как наследница античной Римской империи и Франкской империи Карла Великого. В средние века, когда императорами Священной Римской империи были представители династии Габсбургов (1438–1806 гг.), в это многонациональное государство входила и территория современной Австрии.

В начале XIX в. Европа была объединена под властью Наполеона. Как писал академик Е.В. Тарле, Наполеон, став французским императором и начав завоевание Европы, «великолепно различал, что он делает во Франции и для Франции, для “старых департаментов”, в качестве французского государя, от того, что он делает в качестве императора Запада, короля Италии, протектора Рейнского союза и т.д. и т.д. Первое он считал прочным, имеющим долгую жизнь, второе держится, пока он жив» [43, с. 240].

Французская империя (как объединённая Европа) держалась не только на штыках, но и на экономике. Экономическая политика Бонапарта «вполне соответствовала его общей политике. Превращаясь в результате захватниче-

ских войн из императора французов в императора Запада, стремясь расширить свои владения до Египта, Сирии, Индии, он и в области экономической политики решительно подчинял эти «новые департаменты» интересам «старых департаментов», другими словами, той Франции, которую он застал 18 брюмера, когда сделался самодержцем» [43, с. 246].

С первых дней своего правления Наполеон жёстко проводил свою линию – «есть экономические интересы «национальные» и есть интересы всего остального человечества, которые должны быть не то что подчинены, а просто принесены в жертву национальным... Вся завоёванная империя – своя собственная, поскольку можно от неё требовать рекрутов, налогов, содержания войска и т.д., но чужая, поскольку нужно стараться, чтобы бельгийские, немецкие, голландские металлурги, текстильные и водочные фабриканты не смели конкурировать с французами как в старой Франции, так и у себя дома...

Нечего и говорить о тех завоеваниях, которые, по наполеоновским соображениям, сохраняли фикцию *отдельного* существования от Франции: Италия, где Наполеон был королём, Швейцария, где он был «медиатором», Рейнский союз (Бавария, Саксония, Вюртемберг, Баден и т.д.), где он был «протектором», Вестфальское королевство, т.е. конгломерат средне- и северогерманских государств, куда он посадил королём своего брата Жерома, Польша, куда он посадил своего вассала, саксонского короля, и т.д. и т.д., – всё это должно быть рынком сбыта или рынком сырья для французской промышленности» [43, с. 246, 247].

После поражения Наполеона Европа вновь вернулась к своим старым границам и к не менее застаревшим конфликтам. Венский конгресс (1814–1815 гг.) прошёл под знаком победы русского оружия, закрепив ведущую политическую роль России на континенте. Было принято говорить, что при Николае I и Александре III ни одна пушка не может выстрелить в Европе без согласия русских императоров. Это волей или неволей признавали все монархи Западной Европы.

В XX в. вопрос объединения Европы не потерял своей актуальности. Первая мировая война и Версальский мир не только не решили предвоенных проблем, но во многом усугубили их. После прихода Гитлера к власти вопросы территориальной экспансии стали краеугольным камнем идеологии Третьего рейха. Они динамично видоизменялись от пересмотра условий Версальского договора в части возврата немецких земель и колоний Германской империи до переориентации решения всех вопросов территориального расширения Рейха в основном за счёт Восточной, а не Западной или Южной Европы, как при кайзере Вильгельме II.

В свете борьбы за территорию и ресурсы востребованными оказались разработки немецкой школы классической геополитики, в частности концепции борьбы за «жизненное пространство» (*der Lebensraum*), которая пользовалась поддержкой всей нации и в конечном счёте оправдывала необходимость ревизии унизительного для Германии Версальского мирного договора.

Первоначально представители немецкой школы геополитики расма-

тривали «жизненное пространство» исключительно как территорию компактного проживания немцев в Германии и за её пределами, т.е. продолжали в каком-то виде основную линию политики О. Бисмарка на объединение страны.

Взгляд А. Гитлера на проблему возврата территорий был иным. После Мюнхенского сговора (30 сентября 1938 г.) все устремления Третьего рейха были направлены на решение проблемы «жизненного пространства» исключительно за счёт *Drang nach Osten*, а не только объединения территорий с немецким населением.

Поэтому история Европы в XX в. с точки зрения интеграции и дезинтеграции не менее драматична, чем в предшествующие века. В Европе начались две мировые войны, причём сначала как войны чисто локальные. Здесь между войнами «вакуум силы» пытался заполнить Третий рейх, а после Второй мировой – СССР.

За столетие этот регион пережил три общественно-политические модернизации. Первая закончилась утверждением авторитарных и фашистских режимов (межвоенный период); вторая была связана с установлением демаркационной линии между западной демократией и народной демократией. А затем началась третья, связанная с желанием центральноевропейских правящих элит доказать миру, что в цивилизационном плане они *тоже принадлежат* Западу. Причём это осуществлялось под лозунгом «возвращения в Европу» через вступление в НАТО и Европейский союз.

В XXI в. эта тенденция продолжилась, при этом обнаружилась чёткая разница между «старой» Европой и

«новой». Однако политическая целесообразность в Европейском союзе берёт верх и над национальными и над социально-экономическими разногласиями.

Важнейшей предпосылкой успешного развития европейской интеграции стала **единая правовая база** (*aquis communautaire*) и система общих институтов, имеющих отчасти межгосударственный, наднациональный характер, наделённых правом принятия обязательных решений и контроля за их исполнением.

Первооснову права Европейских сообществ (в настоящее время Европейского союза) составляют договоры, учредившие три сообщества – *Европейское объединение угля и стали (ЕОУС)*, *Европейское экономическое сообщество (ЕЭС)* и *Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом)*, а также *Единый европейский акт (ЕЕА)*, *Маастрихтский*, *Амстердамский* и *Ниццкий договоры о Европейском союзе*. К числу основных правовых актов относятся договоры о создании единого Совета и единой Комиссии Европейских сообществ – Договор о слиянии¹ (8 апреля 1965 г.) и договоры между ЕС и вступающими в него государствами [24].

В качестве **этапов развития европейской интеграции** можно выделить следующие:

Декларация Шумана. Формально датой рождения объединённой Европы является 18 апреля 1951 г., когда в Париже был подписан Договор об ЕОУС.

Однако идеи европейской интеграции неразрывно связаны с итога-

¹ Договор о слиянии вступил в силу 1 июля 1967 г. [24]

ми Второй мировой войны. Одним из инициаторов европейского объединения был У. Черчилль. В своей речи о трагедии Европы (Цюрихский университет, 19 сентября 1946 г.) он призвал европейцев покончить «с национальными распрями», прежде всего с франко-германским антагонизмом, и создать на континенте «нечто вроде Соединённых Штатов Европы».

Начало европейской интеграции положила Декларация Роберта Шумана (9 мая 1950 г.), который, будучи министром иностранных дел Франции, обратился к правительству ФРГ с предложением начать новую главу в отношениях между двумя государствами, создав франко-германское объединение угля и стали.

Декларация Шумана, разработанная при активном участии известного французского «европеиста» Жана Монне, призывала к созданию «общей основы экономического развития, которая явится первым шагом к Европейской федерации», обеспечивающей мир, экономический рост и улучшение условий жизни европейского населения.

Основные положения концепции Монне – Шумана следующие: вместо Европы, раскалываемой националистическими распрями, необходимо создать единую миролюбивую Европу на принципах демократии, экономического благосостояния и социального консенсуса, мира и равноправного сотрудничества.

Единая Европа должна строиться постепенно, начиная со сферы экономики, не затрагивая такие сферы государственного суверенитета, как национальная безопасность, оборона, внешняя политика и т.п. В дальнейшем

евроинтеграция шла от таможенного союза к единому внутреннему рынку, а затем к экономическому и валютному союзам.

Некоторые западноевропейские государства, приняв в условиях холодной войны концепцию Монне – Шумана и разделяя цели и принципы объединения Европы, придерживались иных взглядов на его конкретные формы. Это относилось прежде всего к Великобритании, создавшей в 1960 г. совместно с Австрией, Данией, Норвегией, Португалией, Швейцарией и Швецией Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ).

Итак, первым этапом современного объединения Европы стал *Договор об учреждении ЕОУС*, который был разработан в соответствии с решениями Межправительственной конференции (Париж, июнь 1950 г.) при участии Франции, ФРГ, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Италии¹. Основные цели Договора – создание общего рынка угля и стали, модернизация и повышение эффективности производства в угольной и металлургической отраслях, а также улучшение условий труда и решение проблем занятости. При этом участники Договора ставили перед собой и более серьёзные цели на перспективу: создать условия для объединения европейских народов, содействовать их экономическому и социальному прогрессу. Договор заложил институциональную основу европейской интеграции.

25 марта 1957 г. те же государства подписали в Риме два договора, уч-

¹ Договор ЕОУС подписан 18 апреля 1951 г. сроком на 50 лет и после ратификации всеми странами-участницами вступил в силу 23 июля 1952 г. [24].

редивших *Европейское экономическое сообщество (ЕЭС)* и Евратом (так называемые Римские договоры)¹.

Главные цели Договора о ЕЭС – создание таможенного союза и общего рынка, предусматривающего:

- свободное движение товаров, лиц, капиталов и услуг на территории Сообщества;

- введение общей политики в области сельского хозяйства;

- гармонизацию национальных законодательств;

- сближение экономической политики, условий труда и жизни и т.д.

Для реализации целей ЕЭС был избран вариант ступенчатого снижения общего уровня таможенных тарифов во взаимной торговле, начиная с 1 января 1959 г. В итоге 1 июля 1968 г. внутренняя торговля в Сообществе стала беспоплатной, а на его внешних границах введён Общий внешний таможенный тариф.

Евратом учреждался для объединения усилий в развитии ядерной энергетики в мирных целях.

С момента вступления в силу Римских договоров существовали три различных сообщества – ЕОУС, ЕЭС и Евратом, которые объединяли одни и те же государства, но функционировали автономно по своим учредительным документам. Наряду с органами управления, действующими в рамках соответствующего сообщества, были созданы два института – Парламентская ассамблея и Суд Европейских сообществ.

Следующими этапами европейской интеграции стали:

¹ Римские договоры (от 25 марта 1957 г.), учредившие ЕЭС и Евратом, вступили в силу с 1 января 1958 г. и являются бессрочными [24].

- слияние в 1967 г. высших органов трёх сообществ в единые Совет ЕС и Комиссию ЕС, которые вместе с Европейским парламентом и Верховным судом ЕС образовали современную институциональную структуру Евросоюза;

- подписание четырёх двусторонних договоров о вступлении в Европейские сообщества Великобритании, Дании, Ирландии и Норвегии. Норвегия так и не вошла в ЕС.

В 1971 г. Европейское сообщество приняло *план перехода к Экономическому и валютному союзу* (так называемый «план Вернера»)².

План создания Экономического и валютного союза не был реализован из-за решения Вашингтона (1971 г.) прекратить свободную конвертацию доллара в золото, что привело к расстройству международной валютной системы, а также четырёхкратное повышение цен на нефть, осуществлённое государствами-экспортёрами в течение 1973–1974 гг. и повлёкшее за собой резкий рост цен на промышленную продукцию, нарушение платёжных балансов и т.д.

В этих условиях Сообществу пришлось решать задачи «выживания» – сохранения достигнутого уровня интеграции, преодоления усилившихся протекционистских тенденций и сепаратистских действий государств-членов.

Но оказалось, что Сообщество обладает достаточным запасом прочности и политической воли, позволившим преодолеть критическую ситуацию. В 1974 г. был создан новый институт – Европейский совет на уровне глав государств и правительств.

² План назван по имени автора проекта, премьер-министра Люксембурга Пьера Вернера [24].

Сообщество приступило к осуществлению политики регионального развития, а её главным инструментом стал *Европейский фонд регионального развития (ЕФРР)*, созданный в 1975 г.

В течение 1978–1979 гг. была введена *Европейская валютная система*, основными элементами которой явились механизм поддержания стабильных обменных курсов национальных валют государств-членов и общая денежная единица ЕС – ЭКЮ.

В 1979 г. состоялись первые прямые выборы в Европейский парламент. В 1984 г. была начата реформа общей сельскохозяйственной политики и принята Первая рамочная программа научно-технического развития на 1984–1987 гг., положившая начало координации действий и сотрудничеству государств-членов в этой области.

В середине 80-х гг. Сообщество вступило в новый этап – *завершение формирования Единого внутреннего рынка ЕС (ЕВР)*. Для решения этой задачи Комиссия ЕС подготовила подробную программу практических действий, которая содержала около 300 мероприятий, охватывавших все направления экономической политики, с указанием сроков их выполнения. Правовой базой программы стал *Единый европейский акт (ЕЕА)*¹, который был подписан 12 государствами-членами (Люксембург и Гаага, февраль 1986 г.) и предусматривал создание (декабрь 1992 г.) единого внутреннего рынка со свободным движением товаров, услуг, капиталов и лиц. ЕЕА внёс в учредительные договоры дополнения, особенно в Договор о ЕЭС, включив задачи:

– содействие экономическому и социальному сплочению стран-участниц;

– развитие сотрудничества в таких сферах, как наука и технология, окружающая среда, внешняя политика и т.д.

Дальнейшая стратегия развития интеграции была разработана с учётом следующего:

– очередной практической целью стал переход к созданию экономического и валютного союза;

– в связи с изменениями в странах ЦВЕ в 90-е гг. XX в. открылись новые перспективы пространственного расширения европейской интеграции;

– курс на расширение выявил необходимость консолидации ЕС.

Исходя из этого сообщество разработало стратегию, связанную с углублением и расширением европейской интеграции.

Цели и программа *развития интеграции «вглубь»* были определены в *Договоре о Европейском союзе* (Маастрихт, 1992 г.)². Важной целью Маастрихтского договора было создание Экономического и валютного союза. Две другие цели – переход к общей внешней политике и политике безопасности; сотрудничество государств-членов в области внутренней политики и правосудия.

Конкретно Маастрихтский договор предусматривал:

– введение европейского гражданства и предоставление гражданам государств-членов права избирать и быть избранными как в местные органы власти, так и Европарламент; дальнейшая демократизация процесса

¹ ЕЕА вступил в силу 1 июля 1987 г. [24].

² Договор о Европейском союзе был подписан 7 февраля 1992 г. и вступил в силу с 1 ноября 1993 г. [24].

принятия решений в Союзе; усиление защиты прав и интересов всех граждан; курс на subsidiarity применения интеграционных мероприятий;

– расширение полномочий Европарламента;

– переход к общей политике и общей политике безопасности, чтобы поднять роль ЕС в обеспечении мира и безопасности в Европе и за её пределами;

– сотрудничество в области юстиции, правопорядка и внутренних дел;

– расширение сотрудничества в социально-экономической сфере, а также в области культуры и образования.

Маастрихтский договор был пересмотрен и дополнен дважды – в Амстердаме (1997 г.) и Ницце (2000 г.).

Амстердамский договор (изменяющий Договор о Европейском союзе, договоры, учреждающие Европейские сообщества, и некоторые относящиеся к ним акты) был подписан 2 октября 1997 г. Он дополнил текст Маастрихтского договора разделом по вопросам осуществления общей внешней политики и политики безопасности. В Договор включён раздел, посвящённый соблюдению государствами – членами ЕС принципов демократии, прав человека и приоритета законности, созданию «пространства свободы», безопасности и правопорядка в интересах граждан, усилению сотрудничества государств-членов в борьбе с терроризмом, расизмом, контрабандой, преступностью и т.д.

*Ниццкий договор*¹ (изменяющий Договор о Европейском союзе, договоры, учреждающие Европейские со-

¹ Ниццкий договор после ратификации всеми государствами-членами вступил в силу с 1 февраля 2003 г. [24].

общества, и некоторые относящиеся к ним акты) подписан главами государств и правительств 11 декабря 2000 г. Он внёс изменения в основные принципы и процедуры принятия решений квалифицированным большинством и блокирования их меньшинством. Договор определил новые квоты как для членов ЕС, так и государств-претендентов в основных органах Союза – Совете ЕС и Европейском парламенте.

Одна из важнейших дат в истории европейской интеграции в экономической сфере – 1 января 1999 г., когда начал функционировать *Экономический и валютный союз (ЭВС)*, в который вошли 12 из 15 государств – членов ЕС, была введена в обращение (сначала в виде безналичных расчётов) единая валюта – евро. С 1 января 2002 г. она поступила в наличное обращение, а с 1 марта того же года полностью заменила национальные валюты в странах еврозоны.

Программа расширения интеграции, связанная с кардинальными изменениями, произошедшими в странах ЦВЕ и СССР, отразилась в ряде соглашений между ЕС и не входящими в него европейскими государствами, заключённых в первой половине 90-х годов.

2 мая 1992 г. ЕС и *Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ)* подписали Соглашение о создании Европейского экономического пространства (ЕЭП), в котором были определены его главные элементы:

– переход к свободному движению товаров, услуг, капиталов и рабочей силы;

– введение единых правовых норм, обеспечивающих четыре названные свободы, а также равенство условий конкуренции;

– координация некоторых направлений экономической политики в той мере, в какой это необходимо для функционирования общего экономического пространства.

Соглашение с самого начала рассматривалось как важнейший шаг к объединению двух интеграционных группировок в Западной Европе – ЕС и ЕАСТ. Но объединение пошло иным путём. В июне 1994 г. четыре участника ЕАСТ – Австрия, Финляндия, Швеция и Норвегия – подписали договоры о вступлении в ЕС. Первые три стали членами Союза (1 января 1995 г.), а в Норвегии на референдуме противники вступления в ЕС победили, как и в начале 70-х гг. Тогда же на референдуме в Швейцарии, являющейся членом ЕАСТ, было отвергнуто Соглашение о ЕЭП. Но в целом к концу XX в. ЕС объединил всю Западную Европу.

В начале XXI в. Европейский союз превратился в сложное интеграционное объединение с населением свыше 500 млн чел. и валовым продуктом, превосходящим ВВП США. Таким образом, экономика ЕС стала вполне конкурентоспособной с наиболее сильными экономиками мира: Китая, Соединённых Штатов и совокупной экономикой стран, входящих в БРИКС.

В Европейский союз в настоящее время входят страны Западной, Центральной, Восточной, Северной и Южной Европы (всего 28 государств). Дальнейшее его расширение возможно только за счёт включения Турции, Македонии, Сербии, постсоветских государств (Молдавии, Украины и Грузии) и некоторых других. Таким образом, пределы географической экспансии практически исчерпаны, а появление новых разделительных линий

на континенте создаст новые геополитические риски и вызовы. Кроме того, не исключено, что приём новых членов может привести к возникновению дополнительных непредвиденных, а возможно, и непреодолимых конфликтов, которых и сегодня в Евросоюзе достаточно.

Для оценки современной ситуации в Европейском союзе стоит вернуться к середине XX в., когда идеи объединения Европы только возникли в условиях холодной войны как логического продолжения Второй мировой войны. Связано это было с тем, что Западная Европа была испугана не только военным потенциалом Советского Союза, но и его огромным авторитетом в мире, приобретённом в результате огромного вклада в победу над Третьим рейхом. В то время было общепризнанным – Победа ковалась на Восточном фронте.

У. Черчилль был одним из первых, кто в Фултоновской речи (1946 г.) чётко сформулировал идеологию холодной войны [53]. В дальнейшем это нашло отражение и в доктрине Трумэна.

В послевоенные годы Западная Европа, вступив в блок НАТО, созданный для силового подкрепления идеологии холодной войны, заключила, как утверждают некоторые исследователи, выгодную сделку: получила экономическую помощь в виде плана Маршалла и занялась весьма успешно восстановлением своей экономики и социальной сферы, а вопросы европейской безопасности отдала в руки Соединённых Штатов. Это положение в сфере безопасности существует и сегодня.

После 90-х гг. XX в. все страны, входившие в советский блок, потянулись

в НАТО и Европейский союз. Неофиты, как всегда, были более активны и безоговорочно поддерживали Брюссель даже в сомнительных с точки зрения международного права делах, доказывая свою «щирую» европейскую идентичность. Но до августа 2015 г. внутреннее положение в ЕС было более или менее стабильным, а возникающие конфликтные ситуации могли быть решены существующими правовыми методами.

В августе 2015 г. началось нашествие на Западную Европу полчищ беженцев с арабского Востока, Северной Африки, Афганистана, Пакистана и т.д.

Для Европы эта миграция – огромная проблема. Вина за арабо-африканское нашествие лежит, конечно, в первую очередь на американцах. Разворошив североафриканские страны «арабской весной», убрав вполне лояльные США режимы в Ираке, Ливии и Египте, разрушив Ирак, Ливию и Афганистан, а теперь и потакая ИГИЛ, США вызвали неконтролируемый поток беженцев в Европу, где нет границ суверенных государств, а одна Шенгенская зона. Никакая устойчивая европейская экономика с таким наплывом чужеродного населения не справится.

Встаёт вопрос и о террористах различных исламских экстремистских организаций. Спецслужбам выявить их и отфильтровать практически невозможно. Это один аспект проблемы беженцев.

Но есть и другой.

Брюссель пытается решить проблему беженцев за счёт их добровольно-принудительного квотирования по странам ЕС. Но, как известно, экономика государств – членов Евросоюза

разная и единого социально-экономического статуса нет. Поэтому страны протестуют и, кроме того, правительства учитывают настроение своего населения. При этом США остаются в стороне, хотя говорят, что помогут Европе решить возникшую проблему.

Стоит отметить и взгляды беженцев. В большинстве своём это люди до 40 лет, которые привыкли спокойно жить у себя. Воевать ни за какие идеалы они никогда не будут, да и работать тоже, а вот требовать социальной поддержки от государства-реципиента будут, и весьма настойчиво. Очень похоже, что эти полчища совершенно чужеродных для европейцев людей создают, по Ж. Аттали, «цивилизацию новых кочевников» [5], которые не будут иметь ни своей истории, ни идентичности [48]. При этом адаптация «новых» европейцев к культуре и традициям Старого Света вряд ли возможна. Они создадут свои анклавные в европейских городах, куда коренному населению путь будет заказан.

Для Европы эти беженцы – категория иждивенцев с высоким криминальным потенциалом. Поэтому в дальнейшем с легкомысленной европейской толерантностью придётся разбираться ещё долгие годы и с неведомой перспективой.

Следует отметить, что арабо-африкано-азиатское нашествие низкоквалифицированных, но амбициозных людей – это проблема не только Западной Европы, но и международного сообщества, и прежде всего США. Было бы разумнее и целесообразнее средства, которые тратятся Западом на разные военные кампании и провокации, направить на «замирение» арабского Востока, Афганистана и Северной Аф-

рики, на восстановление там экономики и социально-культурной среды, создание рабочих мест, ликвидируя тем самым те причины, которые побуждают людей уезжать из своих стран. Это надо делать как можно быстрее, пока ещё пришельцы хотя бы говорят о работе и не превратились окончательно в иждивенцев на шее стареющего и убывающего европейского населения. Вместе с тем, к сожалению, понятно, что это лишь благие пожелания, которые не могут быть осуществлены в силу стратегических установок консолидированного Запада.

Гаева А.С.

Теоретический анализ термина «мультикультурализм»

В современном научном поле, как отечественном, так и зарубежном, существует большое количество трактовок термина «мультикультурализм», однако единое и общепринятое понятие до сих пор не сформировано [27]. Наличие множества смыслов данного понятия порождает проблемы при практической реализации концепции мультикультурализма в интеграционной стратегии государства и провоцирует еще большее количество проблем, таких, как геттоизация меньшинств, рост социального недовольства, явления ксенофобии и дискриминации. В данном ракурсе необходимо упомянуть опыт Германии и Франции, где в реальности, несмотря на политическую риторику, политика мультикультурализма не практиковалась [20]. По мнению автора, рассмотрение подходов к определению понятия «мульти-

культурализм» позволит минимизировать риски реализации концепции мультикультурализма. Таким образом, цель данной работы состоит в попытке проанализировать различные подходы и на основе результатов данного анализа сконструировать наиболее универсальное определение понятия «мультикультурализм».

Вторая половина XX столетия характеризуется значительным ростом иммиграционных потоков, посредством которых подверглись изменению этнический и культурный состав населения большинства стран мира. Возросшие потоки инокультурных мигрантов актуализировали проблемы расизма и дискриминации на социокультурном уровне, поставили под сомнение классические принципы национального государства, а вместе с этим и ассимиляционную модель интеграции [66].

Результатом поисков новой модели взаимоотношений представителей различных культур в рамках одного государства явилась модель политики мультикультурализма, которая была призвана, с одной стороны, отвечать современным реалиям межкультурной коммуникации, в рамках защиты прав различных культурных групп, а с другой – снимать культурные противоречия как между этническими группами, так и между культурным большинством и меньшинством. Кроме того, политика мультикультурализма стала ответом и своеобразной попыткой решить проблемы, порождаемые, условно говоря, «реакцией» на глобализацию. Эта тенденция к локализации и индивидуализации начала усиливаться в 80-90 гг. XX в. и характеризовалась нарастанием культурной дезинтегра-

ции и ростом национального и этноконфессионального самосознания.

Обращаясь к анализу понятия «мультикультурализм», необходимо отметить, что единой интерпретации до сих пор не существует, несмотря на широкое обсуждение как теории, так и мультикультурной политико-социальной практики. Отечественный исследователь феномена мультикультурализма М.В. Тлостанова говорит о том, что само понятие мультикультурализма, на сегодняшний день, стало «резиновым» и включает в себя широчайший диапазон различных этнокультурных процессов, поэтому каждый исследователь этого явления вкладывает в его определение свой собственный смысл [46, с. 8].

Кроме того, исследователи не только расходятся во мнении по поводу того, что все-таки можно подразумевать под мультикультурализмом, но и, собственно, где это концепция исторически зародилась и обрела свой смысл. Одни считают, что термин «мультикультурализм» появился на рубеже 50-60-х гг. XX в. в США после трех так называемых «революций»: гражданских прав и свобод (движение за права афроамериканцев), молодежной (студенческие движения «новых левых») и сексуальной (движение за права женщин и сексуальных меньшинств) [11, с. 13]. Требования, которые выдвигались различными движениями, можно обозначить как «постматериалистические» (по теории Р. Инглхарта), т. е. направленные прежде всего не на экономическую и ресурсную составляющую, а на признание их индивидуальных прав и разнообразных идентичностей. Эти социально-политические сдвиги подвергли пересмотру устоявшиеся

стереотипы национального государства и гомогенной культуры, следовательно, вызвали к жизни политику мультикультурализма.

Другие же постулируют о том, что теория мультикультурализма возникла в Канаде в 70-е гг. XX в. для характеристики культурного, расового и этноконфессионального разнообразия страны, а также была использована для конструирования политики, призванной решить проблемы сосуществования различных этнокультурных групп [33, с. 189]. Эти два подхода объединяет тот факт, что теоретическая основа мультикультурализма однозначно формировалась на почве широкого культурного многообразия, которым характеризуется как американское общество, так и канадское, а не в условиях единой национальной культуры.

Широкое смысловое поле, наличие огромного количества трактовок, а также различные социокультурные контексты, относительно которых употребляется термин «мультикультурализм», выводят на передний план проблему оценки феномена мультикультурализма, а также дискуссию о том, что же, собственно, представляет собой мультикультурализм – механизм навязывания этническим меньшинствам определенной модели поведения, основанной на демократических традициях англо-саксонской культуры, или же модель, которая позволит успешно интегрировать представителей с разными системами ценностей в единое социокультурное поле.

Ряд исследователей, преимущественно консервативного толка, видят в мультикультурализме усиление фрагментарности общества посредством акцентирования внимания не на

общности, а на различии культурных характеристик, что грозит потерей национальной идентичности граждан и сепаратизмом. Такой позиции придерживается С. Хантингтон, видя в мультикультурализме угрозу национальному европейскому государству. Среди последствий применения такой политики он отмечает маргинализацию, а не интеграцию этнических меньшинств [51, с. 268]. Практически такой же позиции придерживается П. Бьюкенен, говоря о том, что мультикультурализм не способствует развитию межкультурного диалога и взаимообогащению культур, скорее наоборот: сначала традиционные ценности вытесняются, а затем устанавливается в качестве доминирующей культура этнического меньшинства. Он отмечает, что «тотальная толерантность» грозит смертью западной либеральной демократии, уходящей корнями в христианскую пуританскую культуру [16, с. 55].

Негативно мультикультурализм оценивает американский историк А. Шлезинджер, делая акцент на том, что это – идеология, предполагающая замену «общественных идеалов ассимиляции фрагментацией, интеграции – сепаратизмом» [81, с. 98]. Традиционалистскую позицию занимает С. Жижек. В своей работе «Интерпасивность. Желание, влечение. Мультикультурализм» он критикует мультикультурализм с другой точки зрения: не как угрозу американским или европейским ценностям, а напротив – культуре этнических меньшинств. Таким образом, по его мнению, мультикультурализм выступает как проявление «европейского превосходства», которое призвано контролировать

формирование ценностных установок в других культурах [25, с. 110].

Обращая внимание на позитивные оценки мультикультурализма, необходимо упомянуть британского философа индийского происхождения Б. Пареха, который считает, что в мультикультурном обществе реализуется равноправный культурный диалог как между этническими меньшинствами, так и между национальным большинством и меньшинством. Такое общество «лелеет индивидов, их основные права и свободы, а также другие великие либеральные, моральные и политические ценности, все из которых являются неотъемлемыми от культуры диалога» [77, с. 117]. По мнению автора данной работы, такая оценка достаточно идеалистичная и требует четкого осознания общей необходимости культурного диалога самими индивидами.

Либеральные оценки феномена мультикультурализма состоят в критике, прежде всего, того или иного его практического воплощения. Наиболее неудачной и радикальной реализацией является, по мнению либеральных исследователей, его «мозаичная» или «фрагментарная» модель. Таким образом, С. Бенхабиб определяет подобный мультикультурализм «радиальным плюрализмом», подразумевающим наличие в пределах одного политического пространства четко дифференцированных общностей, причем общности эти «сохраняют свою идентичность и четкие границы, подобно элементам, создающим мозаику» [6, с. 9]. В основе же своей плюралистическая мультикультурная модель и ее основные принципы отвечают современным реалиям межкультурных взаимоот-

ношений. «Масштабное отрицание мультикультурных соображений – это плохая социология» – пишет в работе «Притязание культуры» С. Бенхабиб [6, с. 135]. Солидарность ей выражает канадский исследователь У. Кимлика, который считает, что в современных условиях развития общества вопрос состоит не в том, чтобы отказаться от реализации политики мультикультурализма, а в том, чтобы найти наиболее подходящую и перспективную модель [80, с. 203].

Вышеобозначенные трактовки, носящие как положительный, так и отрицательный оттенок, объединяет тот факт, что они характеризуют мультикультурализм, как правило, с позиции идеологии, политической практики и многокультурности как непосредственной реальности.

Уже ранее упомянутый исследователь У. Кимлика рассматривает мультикультурализм непосредственно как атрибут общества, в котором совместно проживают люди, принадлежащие к различной культурной традиции [70, с. 85]. Причем под таковыми людьми он подразумевает как вновь прибывших иммигрантов, так и членов исторически проживающих на данной территории национальных меньшинств. Н. Глейзер определяет мультикультурализм как комплекс объективных процессов развития, в которых раскрываются различные культуры в противовес единой национальной культуре [22]. Б. Парех видит мультикультурное общество как «сообщество сообществ, а потому как сообщество включенных в сообщество и соединенных с ним индивидов» [40, с. 87].

Анализируя транзит идей мультикультурализма в Россию, можно ска-

зать о том, что интерес этой проблеме возник в 90-е гг. XX столетия в связи с распадом СССР и всплеском национального этнического самосознания. Эти процессы вкупе с общемировыми тенденциями экономической, социальной и культурной глобализации, а также ростом миграции из стран бывших союзных республик, поставили острую необходимость поиска новых моделей взаимодействия как между коренными национальными меньшинствами, исторически проживающими на территории страны, так и вновь прибывающими иммигрантами из ближнего зарубежья.

Заметный вклад в изучение явления мультикультурализма внесли российские исследователи В.А. Тишков и В.С. Малахов, изложив свои позиции по данной проблеме в книге «Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ» [36]. Определяя мультикультурализм, Тишков говорит о том, что это не только признание государством собственной многокультурности, но и соответствующая ей политика и правовые нормы, гарантирующие сохранение культурного разнообразия, а также обеспечение равного участия различных групп и меньшинств во всех сферах общественной жизни [44, с. 233].

По мнению В.С. Малахова, мультикультурное общество характеризуется не просто культурно-этническим изоляционизмом, соответственно, представляет собой мозаику различных этнических групп, а общество, в котором культура не присовокупляется к понятию «этничность» и носит свободный характер, предполагая, что индивид способен самостоятельно определить свою культурную принадлежность [36,

с. 58]. Поэтому целью мультикультурной политики является не просто диалог этнических культурных групп и их существование, а формирование некоего надэтнического культурно-коммуникативного пространства, в рамках которого происходит трансформация и взаимообогащение культур.

В трактовку понятия «мультикультурализм» попытался внести некоторую ясность отечественный исследователь А.И. Куропятник в статье «Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ», предположив, что мультикультурализм может пониматься с трех различных позиций:

1. демографический уровень, который заключается в описании трансформации демографических и этнокультурных параметров национальных обществ. При этом учитываются как внутренняя миграция, так и внешняя, которая порождается различными социальными, политическими, экономическими явлениями (войны, экономические кризисы, конфликты и т. д.). Соответственно, исходя из этого, мультикультурализм понимается как непосредственная демографическая реальность;

2. идеологический уровень. В его рамках мультикультурализм представляет собой некую политическую идеологию, основанную на соответствующей системе принципов и норм, предусматривающих совместное проживание различных этнокультурных общностей и национальных меньшинств и большинства при условии сохранения их культурных особенностей в рамках одного государства. Примерами таких идеологий могут

служить модели полиэтнического национализма, межкультурного взаимопонимания, культурной коммуникации;

3. политический уровень, предполагающий практическое решение вопросов совместного проживания различных этнокультурных групп, культурных меньшинств и большинства на основе принципа их культурного, социального, экономического и политического равноправия. Такая политика реализуется с помощью различных социальных инструментов, программ поддержки и социальной защиты меньшинств [28, с. 55].

Необходимо отметить, что вышеперечисленные уровни восприятия и трактовки мультикультурализма нельзя рассматривать как полноценные самостоятельные части отдельно друг от друга, так как они составляют единый комплекс проблем, которые включены в теоретическое смысловое поле этого феномена, а также его практического воплощения.

Таким образом, выстраивается логическая схема, объясняющая взаимозависимость демографического, идеологического и политического уровней: в результате миграции (как внутренней, так и внешней) национальный и этнический состав населения меняется, что порождает определенные проблемы, для решения которых разрабатывается идеология – система ценностей и принципов, а потом уже на основе этой системы реализуется какая-либо культурная политика, направленная на решение возникающих экономических, социальных и культурных проблем.

Глостанова М.В. анализирует явление мультикультурализма в двух

основных плоскостях: как теорию и основанную на ней политическую практику, и как объективную реальность. Таким образом, она разделяет мультикультуральность, которая подразумевает культурную и этническую многосоставность современного общества; и мультикультурализм как теорию и практику для осмысления этого культурного многообразия [45, с. 122].

Такое деление, по мнению автора данной работы, имеет важное значение при определении содержания понятия «мультикультурализм» и решает существующую терминологическую проблему.

Борисов А.А. предположил, что мультикультурализм – это феномен «этнокультурной фрагментации социума», что является синонимом значения многокультурность или мультикультуральность (по Глостановой М. В.), причем в таком обществе нет единой общенациональной культуры. Кроме того, Борисов также характеризует мультикультурализм как определенную политическую практику и идеологическую систему, в основе которой нет единого культурно-этнического компонента [10, с. 6], т. е. национальная культура рассматривается не с позиции примордиализма, а с позиции конструктивизма (культура не как исключительная производная определенного этноса, а как сфера свободного выбора). В этом случае идентификация граждан происходит не на основе определенных культурных традиций и осознания общей исторической судьбы, а на основе совокупности гражданских идей и принципов (например, идеи равенства прав и свобод), надстраиваемых над этнической

культурой с помощью политики, реализуемой на основе мультикультурализма.

Итак, проанализировав различные взгляды на мультикультурализм, можно сделать вывод о том, что этот феномен может трактоваться с двух различных позиций. Первая состоит в том, что мультикультурализм рассматривается как реальная этнокультурная фрагментация общества. Здесь следует отметить, что зачастую как мультикультурные рассматриваются государства поликультурные или многоэтнические (например, Россия), где условием такой многоэтничности является именно многовековое развитие этнических и культурных групп в рамках исторического пути одного государства. По мнению автора данной работы, такие общества нельзя квалифицировать как мультикультурные, т.к. взаимоотношения культур в нем строятся иначе, чем отношения коренного населения и иммигрантов в классических странах иммиграции или в национальных государствах. Но нельзя сказать, что опыт мультикультурализма не будет полезен для стран поликультурных и многоэтнических.

Вторая позиция состоит в том, что мультикультурализм определяется как идеология и совокупность социальных практик, направленных на интеграцию носителей иной культурной традиции в единое культурное поле того или иного общества при условии развития и сохранения их этноконфессиональной и культурной специфики. Акцент делается, прежде всего, на интеграции инокультурных иммигрантов в единое национальное государство, а главной целью такой политики является организация конструктивно-

го взаимодействия как представителей различной культурной традиции, так и этноконфессиональных общностей, проживающих в пределах определенной территории.

Таким образом, мультикультурализм необходимо определить как совокупность идей и принципов, а также как основанную на них политику, подразумевающую сохранение культурной самобытности различных этноконфессиональных групп, гарантия равных прав культурным меньшинствам и большинству. При этом подразумевается создание общегражданского коммуникативного культурного поля, не нагруженного определенным этническим компонентом, в котором будут взаимодействовать культуры.

Багдасарян В.Э.

Мир-системный анализ в истории и категория мирового центра

Мир-системы и мировая система

Условием наличествования Центра мира является существование единой мировой системы. Речь в данном случае идет не о единстве как унификации, а о пространственной связности различных регионов. Мировая система – сравнительно новое явление в истории мира. После распространения человечества по планете различные сообщества существовали длительное время в относительной изоляции. Отсутствовали необходимые технические возможности для поддержания коммуникационной связности регионов. Отдельные контакты между представителями пространственно удаленных сообществ имели эпизодический характер. Как

правило, это были путешествия отдельных смельчаков. Информационной реальностью существование иных сообществ не являлось.

Границы отдельных миров определялись естественными преградами – морями, горами, пустынями. Географически связанные друг с другом локалитеты формировали со временем цивилизационные системы. Но лежащие за пределами естественных границ цивилизации пространства были в основном неведомы. Показателем культурный шок у автохтонного населения Америки, который был вызван прибытием на континент белых людей. Психологическое потрясение, испытанное индейцами, явилось, как известно, одним из факторов крушения ацтекской и инкской империй.

Ф. Бродель, а затем И. Валлерстайн использовали в своих работах понятие мир-система. В настоящее время они считаются основоположниками методологии мир-системного моделирования. Применение ее особенно целесообразно при постановке задачи выявления Центра мира.

До складывания единого мир-системного пространства существовал ряд локальных мир-систем. Они соотносились с существованием цивилизаций. При объединении цивилизационного очага с цивилизационной периферией создавались «мировые империи». Фактически каждая из цивилизаций, включая российскую, выдвинула исторически собственную имперскую модель. Расширение эйкумены региональных мир-систем неизбежно приводило их к столкновениям. Победителем в борьбе за гегемонию в планетарном плане вышла на определенном этапе цивилизация Запада.

Каждая система, согласно И. Валлерстайну, имеет свой центр, полупериферию и периферию. В доглобализационную эпоху единой мировой системы не существовало. Объективно, в силу технологических причин, препятствующих регулярным коммуникациям, она и не могла существовать. Историческую реальность доглобализационных эпох представляли мир-системы. Фактически они были тождественны границам цивилизаций. Понятие мир-системы позволяло акцентировать внимание на центр-периферийных отношениях цивилизационного бытия. От изучения широкой феноменологии истории цивилизаций осуществляется переход к изучению цивилизационных моделей. Каждая мир-система воспринималась представляющими ее общностями как мир, единственный в своем роде. Границы мир-системы были в масштабах существующих географических знаний границами мирового пространства. Иные миры допускались за пределами онтологии человека. Не случайно, как свидетельствуют этнологии, самоназвание большинства народов имеет буквальное значение – «люди». «Чужак» по этой логике не являлся подлинным человеком. Региональные мир-системы имели каждая свои собственные Центр, полупериферию и периферию. Центр мир-системы понимался именно как центр мира. Это дает основание рассматривать исторический опыт воплощения цивилизационных центров как модель для понимания современных центр-периферийных отношений.

В современном научно-общественном дискурсе все чаще используется категория государство-нация. Пржнее представление об универсальности

модели государства-нации подвергается сегодня ревизии. Ей противопоставляется модель государства-цивилизации. В 2012 г. положение о России как государстве-цивилизации прозвучало из уст В.В. Путина. Государства-цивилизации и являлись центрами мир-систем. В периоды исторических подъемов государства-цивилизации расширяли масштаб своего влияния, поглощая буферные образования. Полупериферия и периферия выстраивались в строгом иерархическом подчинении в отношении к Центру. Но в ситуации упадка цивилизационного центра контролируемое им мир-системное пространство сужалось. Буферная зона либо декларировала собственную суверенность, либо переориентировалась на иной цивилизационный центр. За эту зону и шла борьба между различными центрами. По мере расширения мир-системных периферий пространства различных цивилизационных ареалов все чаще пересекались. Помимо Центра, полупериферии и периферии, идеология формировала образ анти-Центра. Происходят междоцивилизационные столкновения.

Со временем победу над другими мир-системами одерживает мир-система Запада. В глобальном мире она сама занимает позиции мир-системного центра. Отсюда вытекает целесообразность исследования генезиса именно центра западной мир-системы.

Единая планетарная мир-система начала формироваться с XVI в., что связывается напрямую с западной колонизацией. Разделы мира между Испанией и Португалией по папской булле «*Inter caetera*» 1493 г., договорам в Тордесильясе (1494 г.) и Сарагосе

(1529 г.) являлись одними из первых документально фиксируемых проектных постановок. Далее инициатива мировой колониальной экспансии переходит к Великобритании и Франции.

Процесс расширения границ Запада был прерван только единожды – в период реализации советского проекта. В период существования СССР статистически верифицируемые показатели неравенства в мире впервые с начала формирования западноцентристской мир-системы стали снижаться. Но с распадом Советского Союза вновь установилась тенденция усиления дифференциации уровней жизни различных страновых групп человечества. Причем динамика этого роста оказалась наивысшей за всю предшествующую историю. Вместо модели «капиталистические страны» – «социалистические страны» – «страны третьего мира» сложилась другая триадная структура – «золотомиллиардный центр» – функционально обеспечивающая его полупериферия – периферия. Произошел распад не только системы социализма, но и «третьего мира».

Генезис системы западноцентричного мироустройства

Фактически вокруг каждой из цивилизаций на ее периферии формировались паразитарные анклавы. Выделяются при этом две основных модели анклавной паразитарности. Первая представляла собой военно-разбойные группировки. Их паразитирование осуществлялось за счет грабительских набегов на территорию страны-донора. В Европе в таком качестве долгое время выступали анклавы викингов. Вторая модель паразитарно-

сти связывалась со спекулятивной деятельностью на ниве торгово-финансовых отношений. В Европе это группу представляли, в частности, ростовщические анклавы.

Аналогичные паразитарные ниши возникли и на периферии Русской цивилизации. С территории «дикого поля» шли непрерывающейся чередой набег кочевников. Как и в Европе, свои спекулятивные сети устанавливали ростовщики. Но обеим паразитарным группировкам давался отпор. Характерно в этом отношении время Владимира Мономаха, когда, с одной стороны, был учинен разгром половцев (83 похода русских против степняков), с другой, с территории Руси изгнаны ростовщики и запрещено долговое рабство. Но на Западе отразить таким же образом угрозы, исходящие от паразитарных группировок, не удалось. Они захватывают власть в западной мир-системе. С течением времени формируется разбойно-спекулятивный альянс. Паразитарная периферия становится центром системы. Европа стала первой жертвой произошедшей инверсии. Но по логике паразитирования требовалось и далее расширять среду паразитарного существования. Начинается масштабная внешняя экспансия Запада.

Геоэкономическое доминирование Запада в мире над другими цивилизациями не было задано изначально. Оно начинает складываться на определенном историческом этапе. Для понимания природы западного доминирования важно зафиксировать этот этап. Во времена античности и раннего средневековья экономическое положение цивилизаций находилось примерно на одном уровне. Данная

констатация подтверждает тезис о том, что единый планетарный центр мира в доглобализационную эпоху отсутствовал. Многополярность была фактически воплощенной моделью мироустройства. В средневековый период Западная Европа по показателям доходов населения и вовсе занимала одно из худших положений среди регионов мира. Она уступала, в частности, и Китаю, и Индии, и Византии, и мусульманским странам Ближнего Востока. К началу XI в. Западная Европа шла экономически вровень с Африкой. Ни о каком расовом преимуществе европейского человека, его особой предрасположенности к труду в свете этих данных говорить не приходится. К исходу средневековья картина мирового геоэкономического соотношения сил уже меняется. Запад к началу XVI в. уже оказывается в положении наиболее преуспевающей в материальном отношении цивилизации.

Что произошло с западным миром за эти пять столетий? Наиболее значимым, охватившим несколько веков историческим явлением, были крестовые походы. Не они ли и вызвали изначально произошедшие изменения? Запад вступил на путь активной внешней геополитической экспансии. Военные походы крестоносцев на Ближний Восток привели к развитию средиземноморской межцивилизационной торговли. На этой торговле формируется посреднический спекулятивный капитал. Особую роль в этом отношении сыграли итальянские города, во главе с Венецией, и иудейские ростовщики (диаспоральное положение иудеев давало им соответствующие преимущества). Крестовые походы с течением времени обретают идеологическое

преемство в завоеваниях конкистадоров. Запад становится не только актором мировых завоеваний, но и мировой торговли. С пятнадцатого века он занимает центральное положение в торговых потоках мира. Аккумулированные путем военных грабежей, межцивилизационного торгового обмена и связанной с ним спекулятивно-ростовщической деятельности капиталы становятся фактором западного экономического прорыва.

Далее с каждым столетием отрыв Запада от остального мира устойчиво возрастал. Отдельные цивилизации могли исторически бросить вызов Западу. Такой вызов был связан, в частности, с выдвижением советского проекта. Несмотря на серьезность предъявленного альтернативного вызова, положение мировой экономической гегемонии западной мир-системы он не изменил. В настоящее время многие эксперты говорят о вызове в отношении к Западу со стороны Китая и Индии. Действительно, за последние годы их положение в мировой экономике заметно усилилось. За счет этого подъема возник визуальный эффект некоторого снижения показателей Запада по отношению к среднему мировому уровню. Но при историческом сравнении современная успешность азиатских государств выглядит не столь впечатляюще. Китай по показателям доходов на душу населения в отношении к уровню Запада только выходит в настоящее время на пропорции середины XIX в. Индия и вовсе еще далека даже от этого соотношения. А девятнадцатый век, как известно, был временем британского завоевания Индии и фактической колонизации Китая. По сей день по распределению

занятости населения и Китай, и Индия остаются еще преимущественно сельскохозяйственными странами. В Китае в деревнях проживает 55 % населения, в Индии – и вовсе 70 %.

Изменить свое положение в мировой центр-периферийной системе из цивилизационнообразующих государств удалось только Японии и Южной Корее. Предпринятые ими экономические рывки – японский в 60-е – 70-е гг. XX в. и южнокорейский – в конце XX – начале XXI вв. позволил им войти в обиход стран западной мир-системы. Но это было мягкое вхождение, достигнутое путем расширения круга «золотого миллиарда». Существо мировой системы оно не изменяло. Условием вхождения инцивилизационных представителей в «золотой миллиард» являлся отказ их от имперских амбиций. Ни Япония, ни Южная Корея ни являются, как известно, членами «ядерного клуба». «Военный зонтик» над ними обеспечивается США. Но оборотной стороной внешнего военного покровительства является ограничение государственного суверенитета.

Трижды американской гегемонии был брошен существенный вызов. Первый раз этот вызов предъявила Германия. Идеологически он был представлен национал-социализмом. К началу 1939 г. – началу Второй мировой войны Германия по индексу способности к войне фактически сравнялась с США. Однако ее поражение фактически вывело Германию из числа претендентов на положение мирового центра.

Второй исторический вызов гегемонии США был предъявлен со стороны СССР. Идеологией альтернативного советского проекта стал коммунизм.

Советскому Союзу удалось даже оттеснить США с позиции мирового лидера. На почти двадцатилетнем интервале с 1970 по 1988 гг. СССР по индексу способности к войне имел наивысший в мире показатель. Это был, вероятно, наиболее опасный исторический момент в реализации западного проекта. Крах СССР позволил США сохранить позиции мирового центра.

Третий вызов в отношении американской гегемонии связывается с современным подъемом Китая. Устойчивое возрастание с начала 1990-х гг. индекса способности КНР к войне создает при сохранении фиксируемой динамики новые угрозы для гегемонии США. Однако в случае с Китаем методика расчета индекса способности к войне обнаруживает определенные недостатки. Высокий китайский индекс определяется, прежде всего, численностью китайской армии. Но при современном уровне техники этот компонент военной мощи уже не имеет своего прежнего значения. Да и исторически индекс способности Китая к войне выглядит преувеличенным. Показатели девятнадцатого столетия для Китая даже выше современных. Но именно в это время Поднебесная обнаружила, как известно, фактическую беспомощность в противостоянии военным силам западных государств в периоды «опиумных войн».

Если Запад в современной мировой системе выступает в положении Центра, то роль периферии («мировой обочины») однозначно принадлежит Африке. Для определения тренда развития человечества целесообразно провести расчет соотношения доходов на душу населения на этих двух полюсах мирового развития. Историческое

сокращение разрыва между ними означало бы фиксацию тенденции преодоления раскола человечества, а его возрастание, соответственно, усиление тенденций неравенства. Такой расчет удельного отношения Африки к уровню ведущих стран Запада был проведен с опорой на клиодинамические данные школы А. Мэдисона. От равного стопроцентного показателя в средние века за тысячу лет африканские страны снизили свое удельное значение к уровню Запада до пяти процентов. За весь период мировой западной гегемонии разрыв устойчиво возрастал. Симптомов, что этот тренд каким-то образом будет изменен, не прослеживается. Полученные результаты указывают на последовательное укрепление Центром своего гегемонистского положения в мировой системе.

Исторические воплощения финансово-экономического Центра западной мир-системы

Итак, до двадцатого столетия единая мировая система отсутствовала. Когда она сложилась, то Центром ее становится прежняя мир-система Запада. Следовательно, мировая система должна была выстраиваться по лекалам западной мир-системы. Это актуализирует задачу анализа ее исторического генезиса. В мир-системе Запада имелся свой центр, свои полупериферия и периферия. Центр западной мир-системы с развитием процессов глобализации все более утверждается в качестве планетарного Центра.

Однако географическое нахождение этого Центра не было на протяжении истории неизменным. Его исторические перемещения прослеживаются

статистически. Расчет в данном случае основывался на предположении о том, что Центр западной мир-системы материально преуспевал в сравнении с полупериферией и периферией. Не для всех цивилизаций это предположение было бы достоверным. Оно не срабатывало бы, в частности, применительно к российской цивилизации, в которой окраины занимали в потребительском плане преференционное в отношении к Центру положение. Но именно для Запада использование в определении Центра мир-системы критерия материальной успешности не противоречит имеющимся в историографии представлениям о страновой гегемонии в западном мире.

Геополитическая траектория смены центра западной мир-системы – Италия – Нидерланды – Великобритания – США прослеживается на основе имеющейся статистики достаточно четко. Ту же траекторию идентифицировали в своих исследованиях основоположники мир-системного анализа Ф. Бродель и И. Валлерстайн.

В начале новой эры роль европейского гегемона принадлежала Италии. Рим занимал непререкаемое положение Центра западной мир-системы. Потрясения, связанные с переселением народов и крушением Западно-Римской империи привели к разрушению прежней модели центр-периферийных отношений. В средние века в материальном отношении положение различных стран Европы выравнивалось. Италия оказалась вровень с Испанией. В целом прослеживалась тенденция связанности экономического развития с зональным распределением по линии север – юг. Чем южнее была страна, тем, соответственно и богаче. Однако

в поздней средневековой ситуации уже принципиально изменилась. К началу шестнадцатого века – время, традиционно определяемое как начало формирования единой мировой системы, в Европе вновь доминирует Италия. Ее положение в данный период определялось в значительной мере особой ролью в транзитной межцивилизационной торговле ряда итальянских торговых факторий. Это была эпоха венецианского финансового могущества.

Но в связи с «великими географическими открытиями» торговая карта мира подвергается существенным изменениям. Роль средиземноморской посреднической торговли снижается. Все большее значение приобретает межокеанский транзит. Соответственно, изменяется и местонахождение центра мировой торговли и финансов. С XVI века эта роль переходит к Голландии. К началу восемнадцатого столетия был достигнут исторический максимум отрыва в доходах на душу населения центра западной мир-системы от остального западного мира. Но далее, по мере того как формируется единая мировая система и интегрированный Запад получает положение ее центра, западное сообщество все более гомогенизируется. Вырабатываются критерии единого для Запада качества жизни.

Лидирующее положение Голландии по доходам на душу населения сохраняется до середины девятнадцатого века. К тому времени роль мирового геоэкономического центра перешла Великобритании. Но по доходам на душу населения Англия обходит Голландию только в третьей четверти XIX в. Победа в Крымской войне и британская колониальная экспансия (прежде всего, завоевание Индии) вы-

водят Британию на абсолютное первое место и в среднестатистическом выражении материальной успешности.

Первая половина двадцатого столетия проходила в острой конкуренции за первенство в западном мире прежнего центра – Великобритании, и претендующих на роль нового центра Соединенных Штатов Америки. Обе державы имели союзнические отношения, и их соперничество носило латентный характер борьбы финансово-элитаристских группировок. Победителем стали, как известно, США. В свете этой борьбы становится понятным факт крушения в двадцатом веке прежних колониальных империй (включая крупнейшую в истории Британскую империю), с метрополиями в Европе. Перенос мирового центра США требовал изменения выработанных в XIX в. геополитических конфигураций. Принципиальное значение для обретения Соединенными Штатами их положения имела Вторая мировая война. Именно в период войны США побеждают в латентной геоэкономической гонке Великобритании.

Для периода второй половины XX – начала XXI вв. о дифференциации западного мира на центр и периферию можно говорить только с определенной долей условности. Запад как единая цивилизационная общность выступает в настоящее время в качестве центра мировой системы. Тем не менее, и в рамках нее Соединенные Штаты по-прежнему (если не брать в расчет карликовые государства, такие, как Люксембург) сохраняют за собой положение лидера по показателю доходов на душу населения. После распада СССР это положение США в рамках западного мира даже усилилось.

История Запада – от полицентризма к моноцентризму

В существовавших исторически мир-системах имелся, как правило, единый Центр. Он занимал определяющее для мир-системы положение во всех основных измерениях цивилизационного бытия – религиозном, политическом, экономическом, научном и культурном. Важно, что экономика и политика существовали в парадигмальной связке с религией, наукой и культурой. Такое единство обеспечивало гармоническое существование цивилизаций.

Православная цивилизация на протяжении почти тысячи лет выстраивалась, как известно, вокруг греко-византийского ядра. Константинополь был безусловным центром византийской мир-системы во всех основных центрообразующих функциях – религии, политике, экономике, науке, культуре. С крушением Византии новая православная мир-система выстраивается теперь уже вокруг русского цивилизационного ядра. Все перечисленные функции центра были совмещены в рамках этого ядра.

Но история мировых цивилизационных систем имела и прецеденты наличия двух и более центров, различаемых по перечисленным функциям. Так, религиозным центром исламского мира выступала Мекка; научным долгое время являлась Кордова; торгово-экономическим – Багдад. В роли политического центра выступали в разное время Дамаск, Багдад, Каир и Стамбул.

Особый случай представляла иудейская культурная общность. После разрушения Иерусалимского храма и переселения евреев из Палестины она формировалась вообще без мир-

системного центра. В результате была выработана модель сетевой мир-системы. Отдельные иудейские анклавов, инкорпорируясь в иноцивилизационные общности, одновременно были связаны друг с другом в рамках собственной мир-системы. Центр иудейского мира – Иерусалим являлся объектом исторической реминисценции. Но даже в виртуальном значении наличие центра было необходимым условием функционирования всей системы.

Расщепленным вокруг нескольких центров было и пространство западной мир-системы. Эта расщепленность определила в значительной мере специфику цивилизации Запада. Целесообразность разделения Центра мир-системы получила даже теоретическое обоснование. Дано оно было св. Августином еще на заре формирования западной средневековой общности. Выдвинутая им теория «двух мечей» подводила основу для разделения религиозного и политического центра Европы. Один был представлен в дальнейшем папской, другой – императорской властью. Но неизбежно должен был возникнуть вопрос – какой из центров статусно выше? Попытка его разрешения привела к длительной борьбе светской и духовной власти в Европе, партий гвельфов и гибеллинов. Временное торжество папства проблему единоцентризма не разрешила. С развитием торговых отношений все более очевидно формируется третий – финансово-экономический центр Европы. В итоге мир-система Запада оказалась структурирована одновременно вокруг пяти, выстраиваемых на различных функциональных парадигмах центрах.

Религиозным центром являлся папский Рим. Исключение в этой его географической локализации представлял XIV в. – период «авиньонского пленения пап» (пребывание глав католической церкви на территории Франции).

Роль политического центра Европы играла долгое время Священная Римская империя германской нации. Ее ядро составляли земли Австрии. Формально во главе единой Европы стоял император. Национальные монархи – короли находились статусно в подчиненном положении к императорской власти. После упразднения Священной Римской империи обновленную на секулярной основе европейскую империю попытался создать Наполеон. Политический центр западной мир-системы перемещается во Францию. По численности французская армия долго являлась крупнейшей в Европе. Имперостроительная политика Наполеона I была продолжена его племянником Наполеоном III. Но крах Франции в Франко-прусской войне вновь привел к перемещению политического центра – на этот раз в Берлин. Прусско-германские попытки европейской интеграции военным путем также не имели успеха. Последним проявлением претензий на гегемонию со стороны условного политического центра явилась гитлеровская экспансия.

Торгово-финансовый центр западной мир-системы исторически перемещался в соответствии с изменениями геоэкономических конфигураций мира. Основной тренд в мировой геоэкономике определялся переходом от торговли в масштабах Средиземноморья к океанской торговле в масштабах планеты. Соответственно, и торгово-

экономический центр Запада перемещался следуя этой логике по траектории Венеция – Голландия – Англия – США.

На положении научного центра Запада фактически находилась Германия. Там концентрировались многие знаменитые европейские университеты. Брендом германоцентричности европейской науки стала немецкая классическая философия.

Ренессанс начался, как известно, в Италии. Но со временем культурная столица центра Европы перемещается в Париж. Несколько веков все передовые направления в европейской культуре устойчиво ассоциировалась с Францией. Это влияние не исчерпывалось модой. Франция долгое время выполняла роль главного транслятора общественно-политических идей, генератора идеологий. Культурный центр в этом отношении мог бы быть также маркирован в качестве идеологического центра мир-системы.

Множественность центров западной мир-системы определила модель национально-государственных суверенитетов. Она возникла в специфических условиях цивилизации Запада и дает сбой при попытках экстраполяции ее в иноцивилизационные среды. Отражением ситуации многоцентриа явились традиции разнофункционального использования европейских языков. За английским была фактически закреплена функция языка бизнеса, за французским – дипломатии и культуры, за немецким – науки, за латинским – религии. В период последующей доминации англоязычия эти функции, впрочем, оказались нивелированы.

Не следует, впрочем, думать, что, сосредоточившись каждый на своей

функциональной нише, все эти центры игнорировали другие функции. Вопрос заключался в другом – на какой из парадигм выстраивать западную мир-систему. Каждый из центров выдвигал, по сути, свой проект мир-системного строительства Запада. Победил в итоге проект, связываемый с торгово-финансовым центром. Эта победа была достигнута уже в период перемещения торгово-финансового центра США. Принципиально важна в данном случае последовательность: первоначально Соединенные Штаты становятся торгово-финансовым центром Запада и только затем – политическим, научным и культурным. Соответственно, именно торгово-финансовая компонента и явилась парадигмой принятой модели миростроительства.

Проблема множественности центров западной мир-системы была разрешена. США стали многофункциональным центром Запада. Единственной из определяющих функций мир-системного моделирования, сохраненной за старым европейским центром, явилась религия. Но это может означать, что вопрос о религиозном центре западной мир-системы и шире – мира в целом еще окажется в актуальной политической повестке.

Практически применительно к России полученные выводы означают, что по мере интеграции в мировую систему происходила объективно ее периферизация. Суверенность российского государства связывается, таким образом, с собственным мир-системным россиецентричным проектом.

Смоленский Н.И.

Заключительное слово

Историей является то, что берет свое начало с происхождения Человека разумного (*Homo Sapiens*) и средства общения между людьми – языка. Та и другая проблема – происхождения человека и происхождения языка – стали предметом профессионального анализа с опорой на развитие познания в соответствующих областях исследования и выбором наиболее обоснованной их трактовки из имеющихся ее вариантов. Впрочем, выводы авторов соответствующих докладов не выглядят в подавляющей части своего содержания как дискуссионные и являются обоснованными ответами на вопросы, без понимания которых невозможно пытаться решать проблемы происхождения человека и языка: 1) к какому времени относится происхождение *Homo Sapiens*; 2) Каковы его территориальные рамки; 3) Каков исходный сапиентный вид (или виды?) лежит в основе происхождения человека. Во многом такие же вопросы требуют ответа в связи с проблемой происхождения языка. Основное сходство позиций авторов по двум названным проблемам заключается в признании единой исходной основы в происхождении и человека, и происхождения языка – речь идет о единстве в том и другом случае, а не о некой общей их основе. Авторы в обоих случаях не выдают этот вывод как окончательно и бесспорно решенный, что вполне рационально в свете перспектив развития научного познания в данных его областях.

Формирование человека как вида – проблема физиологии, а не истории,

на это формирование оказывала свое влияние разница природно-географической среды, что также не является фактором историческим. На последних стадиях формирования человека как вида имело место вмешательство того, что является фактором человеческого влияния – промискуитет, который был завершением стадии появления древнейшего человека. Таким образом, началом человеческой истории было единство, которое во многом было и единообразием. Фундаментальное свойство истории заключается в сочетании единства и многообразия, без чего истории не бывает. Началом и основой многообразия стало появление человеческого труда, чем была замена собирательных форм жизнеобеспечения производительными. Появление человеческого труда началось с изготовления его орудий, благодаря чему стали происходить изменения в психике и формировании сознания: без определенных мыслительных актов изготовление орудий труда было невозможно. Труд – первооснова многообразия в истории, которое с ее развитием становилось неисчерпаемым. Коллективный труд требовал общины, координации действий, что стало толчком к возникновению языка. Развитием многообразия стало возникновение этносов, рас, различных языков и т. д. Таким образом, заря человеческой истории характеризуется единством и началом многообразия, что стало фактором, затрудняющим путь к ее пониманию как единства, но вовсе его не исключающим, хотя в какой-то мере способствующим ее пониманию в качестве простой арифметической суммы стран, народов, континентов и цивилизаций.

В выступлениях участников круглого стола по проблеме единства истории в современности сформулировано основное содержание термина «глобализация». Это содержание вовсе не является спорным или ошибочным, ибо отражает реальный жизненный смысл тех перемен, которые происходят в современном мире. Сутью этих перемен являются планы – пока это именно планы – мировой олигархии, финансовой и производственной в виде национальных корпораций – мировое господство; речь идет прежде всего о корпорациях США и основных стран Западной Европы. Собственно, их господствующее положение по отношению к государственной власти в том и другом случае уже вполне очевидно, однако планы транснациональных корпораций этим не ограничиваются, и ставится задача достижения того, что нашло свое выражение в идее «мирового правительства». Пока это идея, план транснациональной олигархии. Попытки реализации этого плана выражены в настоящее время в разных вариантах построения будущего мира. Это проявляется прежде всего в Бильдербергском клубе (возник в 1954 г.). Далее, это более близкие к нам по времени попытки формирования глобальных торговых соглашений: Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство (ТТИП) и Тихоокеанское партнерство (ТТП). В обоих случаях инициатива исходит от финансово-экономических корпораций и политических структур США, подобно тому, как к образованию Бильдербергского клуба имело отношение семейство Рокфеллеров. В октябре 2015 г. первое соглашение было подписано. Как планы Бильдербергского клуба,

так и планы двух названных соглашений в основном являются тайной для мировой общественности, однако подлинный смысл этих трех основных вариантов глобализации очевиден: создание глобальных экономических и политических структур власти, стоящих над национальными суверенными государствами, их экономическими и политическими интересами. В этом и есть смысл «мирового правительства», о чем открыто заявил в 1991 г. Д. Рокфеллер.

Планы создания «мирового правительства» идут, однако, гораздо дальше. В эти планы входит опора на новейшие технологии для разработки способов управления человеческим интеллектом, что означает вмешательство в частную жизнь индивида, а в последующем – и ее ликвидацию, ибо частная жизнь человека должна стать абсолютно прозрачной для глобальных управляющих. Разрабатывается общая электронная база данных о гражданах всего мира, согласно которой каждому из них должен быть присвоен несменяемый личный номер единого стандарта. Назвать эти планы движением истории к единству было бы грубой ошибкой: это нечто иное, как проект жуткого единообразия. Единство истории в подлинно научном его понимании и по отношению к любому периоду исторического развития предполагает многообразие, без которого истории как реальности не существует. Проблема глобализации в рассматриваемом смысле, следовательно, не имеет отношения к проблеме единства истории в новейшее время.

Признавая это, нельзя не признать и то, что глобализация в изложенном ее

смысле является не просто продуктом свободного творчества, планов, желаний и надежд магнатов транснациональных корпораций, но имеет свои предпосылки в реалиях современного мира, каковых не было в подобном виде раньше, в прошлом, причем и не слишком далеко. «Мировое правительство» намерено править сегодня всеми в мире, несмотря на различия на уровне рас, наций, языков, социально-культурных, конфессиональных и иных особенностей современного мира благодаря тому, что в нем практически все взаимосвязано. В нем даже маленькая Греция может вызвать кризис общеевропейского масштаба и характера. Основа контактов – прежде всего экономическая в качестве хозяйственных связей. Глобальные экономические связи были и могли быть не всегда, ибо для их возникновения необходимы, как минимум, два условия: возникновение более или менее сложившихся пространственно-географических представлений глобального масштаба и наличие средств сообщения. К. Маркс писал: «Влияние средств сообщения. Всемирная история существовала не всегда; история, как всемирная история – результат» [34]. В действительности Великие географические открытия создавали не всемирную историю как реальный процесс, а стали одной из основ формирования представлений о ней в качестве формы мышления. Единство истории как реальности не обязано своим происхождением разновидностям любых контактов, в том числе глобальных экономических связей, ибо это было и тогда, когда контактов и взаимосвязей в любой их сути не было – об этом говорит заря человеческой истории. Но

и Великие географические открытия – не первопричина процесса глобализации в рассматриваемом смысле. С очевидностью их истоком была «жажда золота», тот экономический интерес, который возник и стал крепнуть с формированием и развитием частной собственности как основы экономических отношений нового миропорядка. «Жажды золота», страсти к наживе не было и не могло быть при господствующей в средние века форме собственности. Современные мировые (глобальные) экономические связи не утратили той своей природы, которая проявилась уже на заре становления миропорядка, основанного на частной собственности – «жажде золота», страсти к наживе. Современные социальные последствия глобализации еще в большей степени, чем когда-либо раньше, формируют не единство мира, а рост его социальной неоднородности, контрастов, социальной разобщенности и вражды.

И все же: несмотря на то, что корни глобализации связаны сегодня с реальными процессами, прежде всего экономическими, а не являются всего лишь прихотью элиты транснациональных корпораций, каковы шансы глобализации в достижении выдвигаемых ею целей в установлении мирового господства? У подписанного соглашения ТТИП есть ближайшее препятствие – необходимость его утверждения конгрессом США, что пока выглядит не слишком определенно. Более определенной является ситуация относительно необходимости преодоления того, что стоит на пути формирования «мирового правительства» транснациональной олигархии. Такого рода реальных препятствий, по край-

ней мере три: 1) формы социального протеста, уже заявившие в мире о себе; 2) этно-национальный фактор, находящий свое-сегодня вполне устойчивое и жизнеспособное – выражение в национально-культурной идентичности, а в политическом отношении – в национальном государстве; 3) ход истории в целом, что проявляется уже сегодня, а еще более важен этот фактор с точки зрения перспективы. Конкретный смысл факторов препятствия на пути глобализации заключается в следующем.

1. Сопrotивление общественности заявило о себе, прежде всего, в Западной Европе, население которой, около 400 городов, 18 апреля 2015 г. приняло участие в демонстрациях протеста против торгового соглашения ТТИП. Подписание этого соглашения вызвало новый взрыв протеста. Согласно этому соглашению права транснациональных корпораций объявляются стоящими выше прав государственной власти страны в каждом случае. Европейская общественность выразила протест против присвоения транснациональными корпорациями правовых норм по принятию политических и экономических решений в противовес власти государства. Заявивший о себе протест является начальной формой борьбы общественности против всемогущества магнатов транснациональных корпораций. Кто одержит верх в этой борьбе – покажет будущее. Однако и подписание указанных соглашений в качестве возможного этапа глобализации с неизбежностью выделяет на первый план тот фактор сопротивления ей, от которого она стремится избавиться по главной сути своих планов и устремлений – национальное государ-

ство и этно-национальную идентичность.

2. К числу факторов, определяющих поведение людей, относятся этно-национальная и социально-культурная идентичность. Главное в этом – язык как признак, символ принадлежности индивида к сообществу, определяющий его место в межкультурных коммуникациях. Язык и нация – нерасторжимо связанные сегодня и в обозримом и необозримом будущем признаки этно-культурной идентичности. В равной мере это относится к устойчивости тех антропологических признаков, которых не было в период становления *Homo Sapiens* – цвет кожи, разрез глаз, жесты, манеры поведения и т. д. Эти различия, формировавшиеся тысячелетиями, создали не человека вообще, общечеловека, а индивида вполне определенной национально-государственной среды, о которой сегодня нельзя сказать, что она расшатана или распадается. На бытовом уровне расовые, национальные различия играют в мире важную роль и не могут быть преодолены в решении множества проблем – брака, семьи, межличностных контактов – ни какими-то мирными, ни насильственными способами и средствами. Более того, эти различия играют важную роль не только на бытовом уровне, но и в сфере социально-политических отношений и на международном уровне, а расизм – в форме фашизма, национализм еще далеко не преодолены в современном мире. Глобализация не устраняет этих физических, а не только общественно-политических свойств человека как вида, а они как минимум не могут ей способствовать, независимо от того, понимают ли это магнаты

транснациональных корпораций. Заря человеческой истории выглядит, как целая прародина прапредка, праязыка, прарелигии и т. д., и она стала с развитием истории основой формирования этно-культурной идентичности, которая в свою очередь говорит о том, что сегодня возможны только межкультурные коммуникации, а не формирование некой новой прародины или тем более – возврат к ушедшей в небытие.

Рост контактов, взаимосвязей и взаимозависимости в современном мире не ведет к ликвидации этно-культурной идентичности, и тем не менее, она не сводится только к уникальности, ибо в реальной действительности с неизбежностью необходим диалог. Этот диалог проявляется в новейшее время в росте межэтнических, межнациональных контактов и связей. Поиск его в рамках национального государства привел к возникновению термина – мультикультурализм в области политических решений и правовых норм. Крайнее обострение эта проблема получила не от наличия в рамках современного национального государства различий по численности наций, этносов, а в связи с миграционными потоками в страны Запада, в основном, в Западную Европу, из Ближнего Востока и Африки. Основной причиной иммиграции, от которой сегодня Западная Европа буквально стонет, стали военные конфликты на Востоке, в развязывании которых определяющую роль сыграли США. Проблемой политики национального государства стало и то, что нашло свое выражение в термине «мультикультурализм». При всей неоднозначности взглядов на проблему сущности мультикультурализма под ним обоснован-

но считать политику, направленную на сохранение этно-культурной индивидуальности и самобытности различных этносов в рамках национального государства. В политической и правовой форме проблема мультикультурализма была отчетливо поставлена в Западной Европе, главным образом, в Англии, Франции и Германии. В своем подавляющем значении и смысле эта проблема касалась поиска ответа на вопрос о том, как быть с миграционными потоками из Африки и стран Ближнего Востока. С различиями в деталях правовых и политических решений политика мультикультурализма в названных странах Европы потерпела крах. Лидеры этих стран Д. Кэмерон, А. Саркози, А. Меркель заявили о несостоятельности мультикультурализма, как средства, размывающего этнокультурную идентичность. Мигранты в этих странах стали рассматриваться только как источник трудовой деятельности. Во Франции им не были предоставлены избирательные права, образование там остается исключительно светским. В Германии в качестве лиц иностранного происхождения рассматриваются иммигранты второго и третьего поколения, родившиеся там. Фактически речь идет об ассимиляции и интеграции иммигрантов в общество страны, их принявшей [21]. Крах политики мультикультурализма говорит об устойчивости этно-культурной идентичности, как о препятствии, во все не малозначащем, на пути глобализации к «мировому правительству».

3. Наконец, у американской мечты о «мировом правительстве» есть – в качестве перспективы – еще одно препятствие – ход истории в целом. Этот ход с очевидностью показал, что в ней

не было ничего вечного, окончательного и неизменного, что касается всех аспектов жизни – экономического, социально-политического, духовного, в том числе конфессионального. Вряд ли обоснованно этим пренебречь в рассуждениях о перспективе исторического развития. Идея «мирового правительства» основана на одном – абсолютном, никем и ничем не ограниченном господстве частной собственности. Является ли она вечной, окончательной и неизменной? Положительной ответ на этот вопрос есть в структурах исторического мышления, причем, это не только Ф. Фукуяма с его оценкой американской либеральной модели экономического развития, как окончательной стадии. Однако, во-первых, сегодня в мире есть три формы собственности – частная, государственная и корпоративная, соотношение между которыми меняется, в частности, имеет место рост госсобственности. Во-вторых, само развитие частной собственности привело в новейшее время к таким последствиям, каковых не было в период ее становления с переходом от средних веков к новому времени. Одно из главных – возникновение социального государства, которое не служит только жажде накопления. Однако и сегодня господствующая в мире экономическая система не выглядит в качестве вечной, окончательной и неизменной – это всегда лишь эмоция ее сторонников. В противовес этой эмоции есть иные эмоции, хотя они порой не являются следствием самостоятельного научного анализа современной экономики. Но они показательны. В качестве примера приведем фрагменты послания Папы Римского Франциска верующим

и иерархам в преддверии католического рождества 2014 г. В этом послании дается оценка экономической модели, господствующей сегодня в мире. «Как одна из заповедей говорит «не убий», – заявлял Папа, – так и мы должны сказать «нет» экономике, которая выбрасывает людей, как нечто ненужное... Всё вокруг основано на законах конкуренции и выживания наиболее приспособленных, а массы людей выбрасываются, оставались без работы и возможности существовать». Не является выдумкой вывод Папы о роли денег в современном мире: «Мы уже спокойно воспринимаем власть денег над собой, а текущий финансовый кризис показал, что причина его в том, что человеческая личность для нас не имеет значения. Для нас важны только деньги... Древний золотой телец вернулся в облики безжалостной, безличной экономики, не имеющей никакой человеческой цели или заботы о людях. Человек ее интересует только как потребитель. Деньги же должны только служить, а не править!» Один из выводов Папы звучит, как приговор: «... сама социально-политическая система несправедлива в корне. Терпимость к пороку, то есть к несправедливости постепенно разъедает социально-политическую систему, не важно, сколь крепкой она кажется. Мы очень далеки от так называемого конца истории, поскольку условий для уверенного и мирного развития еще нет». Здесь Папа, судя по всему, имеет в виду взгляды Фукуямы с его оценкой американской модели экономического развития в качестве конечной фазы истории.

В этом же послании есть весьма показательная оценка и глобализации: «Глобализация разрушает местные

культурные корни и вторгается в привычные типы мышления и формы поведения, навязывая формы поведения и мышления экономически развитых стран» [19].

Таковы эмоции главы католической церкви. Впрочем, это не только эмоции, но взгляды и оценки, отражающие реальное содержание их предмета. Папа, однако, останавливается в своих оценках там, где еще нет окончательного решения проблемы: а что же дальше? Во-первых, пороки общества, осуждаемые Папой, – это пороки, отражающие суть капитализма, другого капитализма до сих пор еще не было в мире, следовательно, во-вторых, избавиться от них – значит уйти от капитализма, индустриального или постиндустриального. Однако вывода такой левизны служебное положение Папы все же не допускает. И вместе с тем, эта очевидность ставит крест на планах «мирового правительства», правда, пока условно. Впрочем, его ожидание в мире, судя по всему, крепнет. В американском издании *The New Republic* недавно появилась статья, в которой есть следующие откровения: «Истинные качества капитализма, включая слабые пункты, из-за которых он в конечном счете рухнет, будут видимы только в тени той социальной силы, которая его уничтожит». И еще: «Настоящая история капитализма, как и всех остальных социальных формаций, будет написана его пеплом» [32]. Это еще также не приговор плану «мирового правительства», но все же.

Обращение к истокам истории является не только основой их понимания, но и способствует пониманию последующих эпох, в том числе современности. Биологическая приро-

да человека указывает на общность и единство его корней, хотя элемент многообразия был и здесь. Развитие истории означало не уход от единства человеческой природы, а формирование признаков ее физиологического многообразия в виде расовых, этнонациональных особенностей. В этой ситуации, в том числе сегодняшнего дня, фактор единства человеческой природы уже не играет и не может играть той роли в понимании единства истории, которой он обладает применительно к истокам последней: не играет такой роли в познании потому, что стала иной его роль в реальной действительности. Понимание соотношения единой человеческой природы и ее расовых, этнонациональных разновидностей сегодня, по крайней мере, двояко: 1) эти разновидности не перечеркивают ее единство; 2) единство отвергается в любом варианте и смысле его понимания, а расовые, этнонациональные признаки признаются основополагающими и главными, хотя и здесь есть различия по степени выдвижения этих признаков на роль определяющих или важных. Отрицание единства человеческой природы сегодня имеет место в виде варианта мышления в области познания или в форме реальной жизненной позиции. То и другое – за пределами научного понимания: единство человеческого рода является научно обоснованной точкой зрения в свете современного уровня развития познания, это вовсе, скажем, не просветительский тезис о единстве человеческой природы, как разумной и доброй. Отрицание единства человеческой природы было и является в реальной жизни источником человеческих страданий и бедствий

в виде расизма, национализма, нацизма и т. д. И тем не менее этнонациональные факторы играют важную роль в современном мире и не могут быть устранены или игнорированы в качестве малозначущих, причем речь идет прежде всего о реальной действительности, а не о сфере познания. Роль этих факторов весьма различна в различных сферах общественных отношений. Наименее существенно это в области экономических отношений, которые властвуют в мире во многом независимо от факторов этнонационального характера. Правовые отношения и нормы – правовое государство, социальное государство – также имеют во многом наднациональный характер и общие признаки. Сфера образования и духовной жизни, напротив, в подавляющей степени определяется не общей природой человека, а этнонациональными особенностями. Но это может означать лишь одно: в современном мире единство человеческой природы не является фактором такого значения, каким оно было на заре истории.

Разрушают ли этнонациональные особенности человеческой природы единство истории? С возникновением этого фактора ни единство человеческой природы, ни единство истории не исчезают с той, однако, оговоркой, что в том и в другом случае вступает в силу мощный источник формирования их многообразия, причем единство и многообразие проявляются в их взаимной связи и взаимообусловленности, что в равной мере относится и к реальной действительности, и к ее познанию. В процессе познания многообразия можно понять только с опорой на единство; единство – та

архимедова точка опоры мышления, которая является основой понимания истории как единства многообразия. Каким может быть понимание истории без опоры мышления на идею единства, в своеобразной форме выразил К. Ясперс, представитель философии экзистенциализма: «Мировую историю можно воспринимать как хаотическое скопление случайных событий – как беспорядочное нагромождение, как водоворот пучины. Он все усиливается, одно завихрение переходит в другое; одно бедствие сменяется другим; мелькают на мгновения просветы счастья, острова, которые поток временно пощадил, но вскоре и они скрываются под водой. В общем, это все вполне в духе картины, данной Максом Вебером: мировая история подобна пути, который сатана вымостил уничтоженными ценностями» [84, с. 275]. Этот, по существу, художественный образ реальности обладает достоинством истины: такой взгляд на историю основан на отрицании единства. Сам Ясперс так не думал и следующим образом изложил свою позицию: «В попытке постигнуть единство истории, т.е. мыслить всеобщую историю как целостность, отражается стремление исторического знания найти свой последний смысл» [84, с. 264]. Трагически-приговорный дух этой позиции, невнятность высказываний о поиске историческим знанием своего последнего смысла – последнего смысла в истории не может быть, пока она есть и развивается, никакой трагедии или ошибки нет в том, что с развитием истории и исторического знания смысл будет изменяться, уточняться и т.д. – тем не менее, не вычеркивает в позиции автора научную значимость

идеи единства мировой истории, как общей основы ее адекватного понимания. За таким подходом к ее изучению стоит множество проблем, анализ чего не по меркам возможностей круглого стола, впрочем, за одним хотя бы исключением.

Проблема глобализации является дискуссионной в том смысле, что в ее истолковании выражены существенные различия в подходах и содержании. Согласно общему смыслу одного из таких подходов [85, с. 393-413], история в формирующемся глобальном сообществе ведет с вероятностью к отрицанию национальных историй и построению единой планетарной цивилизации, что означает необходимость принести своеобразие действительности в жертву постепенной конвергенции к единству. Какова основа этого движения к единству?

Это – стремление получать прибыль как высшую ценность современного общества, как общества сплошной маркетизации. Главное требование этого общества – всеобщая коммерциализация. Глобальное сообщество, каким оно вырисовывается сегодня – это сообщество потребителей товаров, создаваемых глобальными же производителями. Что препятствует этому движению к единству?

Основой такого препятствия стали национальные государства, возникшие в конце XVIII – начале XIX вв., что в свою очередь привело к возникновению истории как национальной, национально-государственной в реальности и как вида историописания и носителя памяти о прошлом. Традиционные национальные истории крайне вредны для экономической интеграции. В высших целях приращения эко-

номических выгод нет никакой необходимости культивировать историю, – напротив, её необходимо как можно скорее забыть. Потребность в «жрецах Клио» станет вскоре еще меньше, чем сегодня, отчего этому профессиональному сообществу суждено то ли до неузнаваемости измениться, то ли вовсе исчезнуть; в XX в. национальные истории начали вызывать стыд. В данном случае автор не приводит каких-либо свидетельств чьего-либо стыда, вследствие чего родоначальником этой эмоции можно считать его самого, хотя, впрочем, он вряд ли в одиночестве.

Общий смысл изложенных взглядов по проблеме глобализации является весьма адекватным выражением позиции тех, кто выступает в качестве творцов и сторонников Бильдербергского клуба, Трансатлантического и Тихоокеанского партнерства и др. – стремления к прибыли как высшей ценности общества сплошной маркетизации. Авторская же позиция здесь в стремлении его, как историка, доказать ненужность своей профессии – судя по всему, без чувства стыда за это занятие.

Стремление к прибыли как высшей ценности общества сплошной маркетизации, действительно, не нуждается в памяти о прошлом, как некой основе, способе ее получения или в качестве чего-либо еще для ее добычи. С другой стороны, могущественный рост прибыли и богатства транснациональных корпораций в современном мире не сформировал атмосферу ненужности и изгнания «жрецов Клио», хотя программы глобализации в существующем виде транснациональных корпораций под эгидой США остаются до сих пор полутайной. Вместе с тем,

впрочем, состояние современной американской историографии не пронизано духом ее ненужности и упадка, а общественно-политическая атмосфера США не проявляет каких-либо признаков избавления от «жрецов Клио». Может быть, что просто «пока», если следовать логике и прогнозам изложенной позиции?

Увы, нет, – причем не только по отношению к США. Стремление к прибыли связано не с физиологической природой человека, во всяком случае, в подавляющей степени, и доказательства этому на профессиональном уровне получены с участием в их поиске «жрецов Клио» и формированием памяти о прошлом самых разных его страниц. Согласно данным этой памяти, желание есть, пить, одеваться и обуваться на протяжении существенно большей части временного промежутка прошедшей истории не сочеталось со стремлением человека к прибыли как высшей ценности, а богатство не могло и сравниваться по своей значимости, скажем, со знатностью происхождения в средние века. Следовательно, стремление к прибыли обусловлено в подавляющей степени формированием определенной разновидности общественной природы человека, что связано в основном с развитием форм собственности и с переходом к являющейся ныне господствующей в мире частной собственности.

Память о прошлом, в отличие от стремления к прибыли, – в природе человека, причем не только общественной: человек отличается от животного тем, что не живет только в одном временном измерении – в настоящем и только настоящим, что является свойством его сознания, т. е. и физиологии.

В структуре его сознания – зависимость от прошлого, и не только своего, но и окружающего его мира, в сочетании с выраженными в той или иной мере планами, целями, желаниями на будущее. Связь времен – в сознании и реальном бытии и поведении человека при всем многообразии человеческих судеб, форм и вариантов общественной эволюции. Без этой связи как формы бытия, не было и не может быть человека и общества; связь времен в той или иной мере рвется, но и восстанавливается без какого-либо буквального возврата к прошлому. Следовательно, память о прошлом – неустрашимое звено связи времен. Носителем памяти о прошлом является историческая наука с момента её возникновения в качестве самостоятельной научной дисциплины в Древней Греции; до ее возникновения носителями памяти были жрецы. Исследованиями этнографов второй половины XX в. жизни племен в бассейне Амазонки обнаружено наличие у них памяти о прошлом в двадцать поколений назад.

Следовательно, на пути к беспамятству, как минимум два, по существу, непреодолимых препятствия: природа человека и общества и логика развития истории, которая до сих пор не обнаружила ни каких-либо очевидных, ни вероятностных свидетельств ненужности памяти о прошлом и вреда «музы Клио» в реальном мире современности и прошлого. Конечно, память о прошлом не только в виде массового общественного сознания, но и в форме научной картины прошлого, всегда избирательна в том смысле, что в разное время она не была – и не может быть – одной той же. Эта избирательность неизбежна, ибо образ и смысл изобра-

жаемого зависят от времени, в условиях которого они создаются, времени, постоянно и неизбежно меняющемся. Можно ли эту разницу, выражающуюся порой в зачеркивании тех или иных страниц, фрагментов прошлого, считать доказательством подтверждения вектора беспамятства, как результата развития самого исторического познания? Следует подчеркнуть: все то, что связано в работе историка с положительным, как и с негативным или крайне негативным отношением к тем или иным страницам прошлого, их вычеркиванием обусловлено механизмом исторического мышления, составной и неотъемлемой частью которого является влияние современности на его взгляды во всем объеме их содержания – конкретно – исторического и методологического; негативная оценка в этой ситуации означает не отрицание памяти или призыв к этому, а лишь замену одного варианта отношения к прошлому каким-то другим. Разрушение памяти о прошлом, деисторизация общества ведут к формированию хаоса в сознании индивида, к лишению его средств ориентации в окружающем мире, т. е. к превращению в существо послушное и всецело управляемое – в рассматриваемой ситуации сегодняшнего дня управляемое теми, кто отстаивает глобализацию, как путь к господству в мире.

Тема беспамятства нашла достойное отображение в художественной форме. Таков образ человека-животного Маугли Дж. Киплинга. Таковы «Бесы» Ф.М. Достоевского с их четкой программой: «Надобно, чтобы такой народ, как наш, не имел истории, а то, что имел под видом истории, должно быть с отвращением забыто. Кто про-

клянёт свое прошлое, тот уже наш – вот наша формула». Таков профессор Борн с его усилиями изготовить препарат, который бы лишал человека памяти (фильм «Мертвый сезон»), хотя дело тут не столько в художественном образе, сколько в документальной реальности немецкого концлагеря в годы войны. У автора (или авторов) позиции о вреде памяти о прошлом и необходимости его забыть, избавившись от «жрецов Клио», есть и такой

предшественник: «Было бы разумнее установить в каждой деревне громкоговоритель, чтобы таким путем информировать людей о новостях и дать им пищу для разговоров, это лучше, чем допустить их к самостоятельному изучению политических, научных и т. п. сведений. И пусть никому не приходится в голову передавать покорным народам по радио сведений о их прежней истории». Это – Гитлер, комментарии излишни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева Т.И. Адаптация человека в различных экологических нишах земли (биологические аспекты). М.: МНЭПУ, 1998. 280 с.
2. Антропологическое исследование. М.: Наука, 1984. С. 14-99.
3. Атаманенко И.Г. Тайны «Бильдербергского клуба» – большая политика и коровы // Независимое военное обозрение. 2011. 17 июня.
4. Аттали Ж. Кочевники// На пороге нового тысячелетия// [Электронный ресурс] URL: http://politology.VUZLIB.Org/book_0271_page_8.html (дата обращения к ресурсу: 28.10.2015).
5. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия // [Электронный ресурс] URL: http://www/patriotica.ru/enemy/attali_porog_/html (дата обращения к ресурсу: 28.10.2015).
6. Бенхабиб С. Притязание культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. 350 с.
7. Бильдербергский клуб // [Электронный ресурс] URL: <http://dokumentika.org/bilderbergskiy-klub/bilderbergskiy-klub> (дата обращения к ресурсу: 28.10.2015).
8. Бильдербергский клуб // [Электронный ресурс] URL: http://www.liveinternet.ru/users/samanta_black/post124508895 (дата обращения к ресурсу: 28.10.2015).
9. Бильдербергский Клуб. Энциклопедия знаков и символов // [Электронный ресурс] URL: <http://www.znaki.chebnet.com/sl0.php?id=346> (дата обращения к ресурсу: 28.10.2015).
10. Борисов А.А. Американские консерваторы и мультикультурализм: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Пермь, 2000. 290 с.
11. Борисов А.А. Мультикультурализм: Американский опыт и Россия // Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире: Исследовательские подходы и интерпретации / под ред. Г. И. Зверевой. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 8-29.
12. Бунак В.В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука, 1980. 328 с.
13. Бунак В.В. Человеческие расы и пути их образования // Советская этнография. 1956. №1. С. 86-105.
14. Бунак В.В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. / В.В. Бунак; Отв. ред. М.Г. Левин; Академия наук СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 284 с.
15. Бунак В.В., Герасимова М.М. Верхнепалеолитический череп Сунгирь 1 и его место в ряду других верхнепалеолитических черепов // Сунгирь. Антропологическое исследование. М., 1984. С. 14-100.

16. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003. 444 с.
17. Валлерстайн И. Миров-системный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / Под. ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 1998. Выпуск 1. С. 105-123.
18. Васильев С.В. Дифференциация плейстоценовых гоминид. М., 1999. 203 с.
19. Вербин А. Молчание глобального безразличия // Советская Россия. 2014. 10 янв.
20. Гаева А. Политика мультикультурализма: международный опыт Франции и Германии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 3. С. 188-197.
21. Гаева А. Политика мультикультурализма: международный опыт Франции и Германии. Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2014. № 3. С. 188-197.
22. Глейзер Н. Мультиэтнические общества: проблемы демографического, религиозного и культурного разнообразия // Этнографическое обозрение. 1998. №6. С. 98-104.
23. Дзарасов Р.С. Кризис капитализма и общественный строй новой России // Полис. 2011. № 4. С. 41-59.
24. Документы Европейского союза [Электронный ресурс] URL: <http://eulaw.ru/treaties#other> (дата обращения: 28.10.2015).
25. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. СПб.: Алетейя, 2005. 156 с.
26. Политические учения XX-XXI вв. / Егоров В.Г., Абрамов А.В., Алексеев Р.А., Алябьева Т.К., Березкина О.С., Вититнев С.Ф., Козьякова Н.С., Лавренов С.Я., Синчук Ю.В., Федорченко С.Н. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 284 с.
27. Кимлика У. Современная политическая философия. Введение. М.: Высшая школа экономики, 2010. 592 с.
28. Куропятник А.И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 2. – С. 53-66.
29. Лапкин В.В. «Модернизация» и «капитализм»: переосмысляя современное развитие // Полис. 2012. № 6. С. 41-54.
30. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
31. Люксембург Р. Введение в политическую экономию. М., 2010. С. 125.
32. Малколм Харрис. Если бы у Сталина был компьютеры // Советская Россия. – 2015. год. – 27 авг.
33. Мальковская И.А. Многоликий Янус открытого общества: опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации. М.: КомКнига, 2005. С. 189. 280 с.
34. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12. М.: Политиздат, 1958. 736 с.
35. Междувластие. Зигмунт Бауман беседует Винченцо Делла Сала // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 6. С. 12-13.
36. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. Малахова, В.С. и Тишкова, В.А. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. 356 с.
37. Неклесса А.И. Неопознанная культура 4.3. Глобализм и сетевая культура // Развитие и экономика. 2013. № 6. 117 с.
38. Официальный сайт Бильдербергского клуба // [Электронный ресурс] URL: www.bilderbergmeetings.org (дата обращения к ресурсу: 28.10.2015).
39. Павленко В., Штоль В. Проект «Глобализация»: роль и место во всемирно-историческом процессе // Обозреватель-Observer. 2013. № 5. С. 5-28.
40. Парех Б. Переосмысливая мультикультурализм: культурное разнообразие и полити-

- ческая теория // Хомяков М.Б. Хрестоматия по дисциплине «Современная политическая философия: либерализм, коммунитаризм, мультикультурализм». Екатеринбург, 2007. С. 80-92.
41. Подлинная история и планы Бильдербергского клуба // [Электронный ресурс] URL: <http://mixednews.ru/archives/133> (дата обращения к ресурсу: 28.10.2015).
 42. Смоленский Н.И. История и логика. Проблемы общеисторической теории и природы исторических понятий. М., 2013. 184 с.
 43. Тарле Е.В. Наполеон. М.: Изд. Академии наук СССР, 1957. 468 с.
 44. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 554 с.
 45. Тлостанова М.В. Ньюансировка инаковости в постмодернистских эпистемах // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. 5. № 3-4. С. 116-134.
 46. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США XX века. М: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. 400 с.
 47. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2009. 674 с.
 48. Уэллс Г. Яд, именуемый историей. Собр. соч. В 15 томах. Т. 15. М. 463 с.
 49. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М., 2013. 560 с.
 50. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2007. 129 с.
 51. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
 52. Хрусталева А.М., Волков А.А., Стоклицкая Д.С. Сравнительный анализ изменчивости STR- и SNP-локусов в популяциях нерки (*Oncorhynchus nerka*) Восточной и Западной Камчатки. Генетика. 2010. Т. 46. № 11. 1584 с.
 53. Черчилль У. Как я воевал с Россией. М.: ЭКСМО-Алгоритм, 2011. 384 с.
 54. Adoutte A., Balavoine G., Lartillot N., Lespinet O., Prud'homme B., de Rosa R. The new animal phylogeny: reliability and implications // Proc Natl Acad Sci USA. 2000. V. 97(9). Pp. 4453-6. Review.
 55. Batini C., Lopes J., Behar D.M., Calafell F., Jorde L.B., van der Veen L., Quintana-Murci L., Spedini G., Destro-Bisol G., Comas D. Insights into the demographic history of African Pygmies from complete mitochondrial genomes // Mol Biol Evol. 2011. V.28(2). Pp. 1099-110.
 56. Behar D.M., Vilems R., Soodyall H., Blue-Smith J., Pereira L., Metspalu E., Scozzari R., Makkan H., Tzur S., Comas D., Bertranpetit J., Quintana-Murci L., Tyler-Smith C., Wells R.S., Rosset S.; Genographic Consortium. The dawn of human matrilineal diversity // Am J Hum Genet. 2008. V. 82(5). Pp. 1130-40.
 57. Burbano H.A., Hodges E., Green R.E., Briggs A.W., Krause J., Meyer M., Good J.M., Maricic T., Johnson P.L., Xuan Z., Rooks M., Bhattacharjee A., Brizuela L., Albert F.W., de la Rasilla M., Fortea J., Rosas A., Lachmann M., Hannon G.J., Paabo S. Targeted investigation of the Neandertal genome by array-based sequence capture // Science. 2010. V. 328(5979). Pp. 723-5.
 58. Castellano S., Parra G., Sanchez-Quinto F.A., Racimo F., Kuhlwilm M., Kircher M., Sawyer S., Fu Q., Heinze A., Nickel B., Dabney J., Siebauer M., White L., Burbano H.A., Renaud G., Stenzel U., Lalueza-Fox C., de la Rasilla M., Rosas A., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Z., Gusic I., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Meyer M., Kelso J., Andres A.M., Paabo S. Patterns of coding variation in the complete exomes of three Neandertals // Proc Natl Acad Sci U S A. 2014. V.111(18). Pp. 6666-71.
 59. Chiaroni J., Underhill P.A., Cavalli-Sforza L.L. Y chromosome diversity, human expansion, drift, and cultural evolution // Proc Natl Acad Sci USA. 2009. V. 106(48). Pp. 20174-9.

60. Eisenberg D.T., Kuzawa C.W., Hayes M.G. Worldwide allele frequencies of the human apolipoprotein E gene: climate, local adaptations, and evolutionary history // *Am J Phys Anthropol.* 2010. V. 143(1). Pp. 100-11.
61. Estulin Daniel Bilderberg Report 2012 second part Russia // [Электронный ресурс] URL: <http://www.danielestulin.com/bilderberg-reportinforme-2012/> (дата обращения: 28.10.2015).
62. Fu Q., Meyer M., Gao X., Stenzel U., Burbano H.A., Kelso J., Pfifibo S. DNA analysis of an early modern human from Tianyuan Cave, China // *Proc Natl Acad Sci U S A.* 2013. V. 110(6). Pp. 2223-7.
63. Green R.E., Krause J., Briggs A.W., Maricic T., Stenzel U., Kircher M., Patterson N., Li H., Zhai W., Fritz M.H., Hansen N.F., Durand E.Y., Malaspina A.S., Jensen J.D., Marques-Bonet T., Alkan C., Prüfer K., Meyer M., Burbano H.A., Good J.M., Schultz R., Aximu-Petri A., Butthof A., Huber B., Hoffner B., Siegemund M., Weihmann A., Nusbaum C., Lander E.S., Russ C., Novod N., Affourtit J., Egholm M., Verna C., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Z., Gusic I., Doronichev V.B., Golovanova L.V., Lalueza-Fox C., de la Rasilla M., Fortea J., Rosas A., Schmitz R.W., Johnson P.L., Eichler E.E., Falush D., Bimber E., Mullikin J.C., Slatkin M., Nielsen R., Kelso J., Lachmann M., Reich D., Paabo S. A draft sequence of the Neandertal genome // *Science.* 2010. V. 328(5979). Pp. 710-22.
64. Green R.E., Malaspina A.S., Krause J., Briggs A.W., Johnson P.L., Uhler C., Meyer M., Good J.M., Maricic T., Stenzel U., Prüfer K., Siebauer M., Burbano H.A., Ronan M., Rothberg J.M., Egholm M., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Z., Gusic I., Wikstrom M., Laakkonen L., Kelso J., Slatkin M., Paabo S. A complete Neandertal mitochondrial genome sequence determined by high-throughput sequencing // *Cell.* 2008. V. 134(3). Pp. 416-26.
65. Hammer M.F., Woerner A. E., Mendez F.L., Watkins J.C., Wall. J. D. Genetic evidence for archaic admixture in Africa *Proc Natl Acad Sci U S A.* 2011. V.108(37). pp. 15123-1512
66. Immigration and Social Systems: Collected Essays of Michael Bommes / C. Boswell C. D'Amato G. – Amsterdam. Amsterdam University Press, 2012. Pp. 177-199.
67. Khrameeva E.E., Bozek K., He L., Yan Z., Jiang X., Wei Y., Tang K., Gelfand M.S., Prüfer K., Kelso J., Paabo S., Giavalisco P., Lachmann M., Khaitovich P. Neanderthal ancestry drives evolution of lipid catabolism in contemporary Europeans // *Nat Commun.* 2014. V. 5: 3584. Pp. 1-8.
68. Krause J., Lalueza-Fox C., Orlando L., Enard W., Green R.E., Burbano H.A., Hublin J.J., Hanni C., Fortea J., de la Rasilla M., Bertranpetit J., Rosas A., Paabo S. // The Derived FOXP2 Variant of Modern Humans Was Shared with Neandertals. *Curr Biol.* 2007. V.17(21). Pp. 1908-1912.
69. Kuhlwil M., Davierwala A., Paabo S. // Identification of putative target genes of the transcription factor 'RUNX2. *PLoS One.* 2013. V. 8(12):e83218.
70. Kymlicka W. *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights.* New York: Oxford University Press Inc, 1995. 280 pp.
71. Kymlicka W. *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship.* Oxford: Oxford University Press, 2001. 383 pp.
72. Lalueza-Fox C., Gigli E., de la Rasilla M., Fortea J., Rosas A.. Bitter taste perception in Neandertals through the analysis of the TAS2R38 gene // *Biol Lett.* 2009. V. 5(6). Pp. 809-11.
73. Lalueza-Fox C., Rompler H., Caramelli D., Staubert C., Catalano G., Hughes D., Rohland N., Pilli E., Longo L., Condemi S., de la Rasilla M., Fortea J., Rosas A., Stoneking M., Schoneberg T., Bertranpetit J., Hofreiter M. A melanocortin 1 receptor allele suggests varying pigmentation among Neandertals // *Science.* 2007. V. 30; 318(5855). Pp. 1453-1455.
74. Maxwell Jordan *Matrix of power: How the World Has Been Controlled by Powerful People Without Your Knowledge.* The Book Tree, 2000. 108 pp.

75. Morant G.M. A biometric study of neanderthaloid skulls and their relationships to modern racial types // *Biometrika*, JVb2, 1927. Pp. 318-381.
76. Nei M. Analysis of Gene Diversity in Subdivided Populations // *Proc. Nat. Acad. Sci. USA* 1973. Vi 70, №. 12, Part I. Pp. 3321-3323.
77. Parekh B. The Future of Multi-Ethnic Britain: Report of the Commission on the Future of Multi-Ethnic Britain. London: Profile Books, 2000. P. 117.
78. Pennisi Ancient DNA Holds Clues to Gene Activity in Extinct Humans // *Science*. 2014. V. 344. Pp.245-46.
79. Prüfer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P.H., de Filippo C., Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwillm M., Lachmann M., Meyer M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert C., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson P.L., Blanche H., Cann H., Kitzman J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Paabo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // *Nature*. 2014. V. 505 (7481). Pp. 43-9.
80. Sailer K. Die Cromagnonrasse und ihre Stellung zu anderen jungpalaolithischen Langschadelrassen // *Z. Indukt. Abstammung und Vererbungslehre*. Bd. 39, N°2, 1925.
81. Schlesinger A.M. The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society. New York: W.W. Norton & Company, 1998. P. 98.
82. Wall J.D., Yang M.A., Jay F., Kim S.K., Durand E.Y., Stevison L.S., Gignoux C., Woerner A., Hammer M.F., Slatkin M.. Higher levels of neanderthal ancestry in East Asians than in Europeans // *Genetics*. 2013.V. 194(1). Pp. 199-209.
83. Zhivotovsky L.A., Bennett L., Bowcock A.M., Feldman M.W. Human population expansion and microsatellite variation // *Mol. Biol. Evol.* 2000. V. 17. Pp. 757-767.
84. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. 527 с.
85. Как мы пишем историю? / Отв. ред. Г. Гарего, Г. Дюфо, Л. Пименова. М., 2013. 456 с.

REFERENCES

1. Alekseeva T.I. Adaptatsiya cheloveka v razlichnykh ekologicheskikh nishakh zemli (biologicheskie aspekty) [Human Adaptation in Different Ecological Niches of the Earth (Biological Aspects)]. М., МНЕПУ, 1998. 280 p.
2. Антропологическое исследование [Anthropological Study] М., Наука, 1984. pp. 14-99.
3. Atamanenko I.G. Tainy «Bil'derbergskogo kluba» - bol'shaya politika i korovy (The Secrets of the Bilderberg Group – Big-Time Policy and Cows) // *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 2011. June 17th.
4. Attali ZH. Kochevniki // Na poroge novogo tysyacheletiya [Nomads // On the Threshold of the New Millenium] *Politologiya* [Politology]. – URL: http://politology.VUZLIB.Org/book_0271_page_8.html (request date: 28.10.2015)
5. Attali ZH. Na poroge novogo tysyacheletiya [On the Threshold of the New Millennium] [Elektronnyi resurs [[Electronic source]. – URL: http://www/patriotica.ru/enemy/attali_porog_/html (request date: 28.10.2015)
6. Benkhabib S. Prityazanie kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyu eru [The Claim of Culture. Equality and Diversity at the Age of Globalization]. М., Logos, 2003. 350 p.
7. Bil'derbergskii klub [The Bilderberg Group] *Dokumentika* [Documentika]. – URL: <http://dokumentika.org/bilderbergskiy-klub/bilderbergskiy-klub> (request date: 28.10.2015)
8. Bil'derbergskii klub [The Bilderberg Group] [Elektronnyi resurs [[Electronic Source]. – URL: http://www.liveinternet.ru/users/samanta_black/post124508895 (request date: 28.10.2015)

9. Bil'derbergskii Klub. Entsiklopediya znakov i simvolov [The Bilderberg Group. Encyclopedia of Signs and Symbols] Znaki [Signs]. – URL: <http://www.znaki.chebnet.com/sl0.php?id=346> (request date: 28.10.2015)
10. Borisov A.A. Amerikanskii konservatory i mul'tikul'turalizm: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk [American Conservatives and Multiculturalism: author. thesis ... candidate of Historical Sciences]. Perm, 2000. 290 p.
11. Borisov A.A. Mul'tikul'turalizm: Amerikanskii opyt i Rossiya [Multiculturalism: American Experience and Russia] Mul'tikul'turalizm i etnokul'turnye protsessy v menyayushchimsya mire: Issledovatel'skie podkhody i interpretatsii [Multiculturalism and Ethnocultural Processes in the Changing World: Research Approaches and Interpretations]. M., Aspekt Press, 2003. pp. 8-29.
12. Bunak V.V. Rod Homo, ego voznikovenie i posleduyushchaya evolyutsiya [The Homo Genus, its Emergence and Subsequent Evolution]. M., Nauka, 1980. 328 p.
13. Bunak V.V. Chelovecheskie rasy i puti ikh obrazovaniya [The Human Races and the Ways of their Formation] // Sovetskaya etnografiya. 1956. no. 1. pp. 86-105.
14. Bunak V.V. Cherep cheloveka i stadii ego formirovaniya u iskopaemykh lyudei i sovremennykh ras [Human Skull and Stages of its Formation in Ancient Humans and Modern Races]. M., Izd-vo AN SSSR, 1959. 284 p.
15. Bunak V. V., Gerasimova M.M. Verkhnepaleoliticheskii cherep Sungir' 1 i ego mesto v ryadu drugikh verkhnepaleoliticheskikh cherepov [The Skull of the Upper Paleolithic "Sungir 1" and its Place among the Other Upper Paleolithic Skulls] Sungir'. Antropologicheskoe issledovanie [Sungir. Anthropological Study]. M., 1984. pp. 14-100.
16. B'yukenen P. Dzh. Smert' Zapada [Buchanan P.J. Death of the West]. M., AST, 2003. 444 p.
17. Vallerstain I. Miro-sistemnyi analiz [Wallerstein I. World-Systems Analysis] Vremya mira. Almanakh sovremennykh issledovaniy po teoreticheskoi istorii, makrosotsiologii, geopolitike, analizu mirovykh sistem i tsivilizatsii [The Time of the World. Almanac of Modern Studies in Theoretical History, Macrosociology, Geopolitics, World-Systems and Civilizations Analysis] / Ed. by N.S.Rozov. M., 1998. pp. 105-123.
18. Vasil'ev S.V. Differentsiatsiya pleistotsenovykh gominid [Differentiation of Pleistocene Hominids]. M., 1999. 203 p.
19. Verbin A. Molchanie global'nogo bezrazlichiya (Silence of Global Indifference) // Sovetskaya Rossiya, 2014, January 10th.
20. Gaeva A. Politika mul'tikul'turalizma: mezhdunarodnyi opyt Frantsii i Germanii [The Politics of Multiculturalism: International Experience in France and Germany] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2014. no. 3. pp. 188-197.
21. Gaeva A. Politika mul'tikul'turalizma: mezhdunarodnyi opyt Frantsii i Germanii [The Politics of Multiculturalism: International Experience in France and Germany] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2014. no. 3. pp. 188-197.
22. Gleizer N. Mul'tietnicheskie obshchestva: problemy demograficheskogo, religioznogo i kul'turnogo raznoobraziya [Multi-ethnic societies: Problems of Demographic, Religious and Cultural Diversity] // Etnograficheskoe obozrenie. 1998. no. 6. pp. 98-104.
23. Dzarasov R.S. Krizis kapitalizma i obshchestvennyi stroi novoi Rossii [The Crisis of Capitalism and the Social Order of the New Russia] // Polis. 2011. no. 4. pp. 41-59.
24. Dokumenty Evropeiskogo soyuza [Elektronnyi resurs] [The Documents of the European Union [Electronic source]] - URL: <http://eulaw.ru/treaties#other> (request date: 28.10.2015)
25. Zhizhek S. Interpassivnost'. ZHelanie: vlechenie. Mul'tikul'turalizm [Interpassivity. Desire: Inclination. Multiculturalism]. SPb., Aleteiya, 2005. 156 p.

26. Politicheskie ucheniya XX-XXI vv. [The Political Doctrine of XX-XXI Centuries]. Egorov V.G., Abramov A.V., Alekseev R.A. and others M., IIU MGOU, 2015. 284 p.
27. Kimlika U. Sovremennaya politicheskaya filosofiya. Vvedenie [Modern Political Philosophy. Introduction]. M., Vysshaya shkola ekonomiki, 2010. 592 p.
28. Kuropyatnik A.I. Mul'tikul'turalizm: ideologiya i politika sotsial'noi stabil'nosti polietnicheskikh obshchestv [Multiculturalism: the Ideology and Politics of Social Stability in Multi-ethnic Societies] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2000. T. 3. no. 2. pp. 53-66.
29. Lapkin V.V. «Modernizatsiya» i «kapitalizm»: pereosmyslyaya sovremennoe razvitiye ["Modernization" and "Capitalism": Rethinking Contemporary Development] // Polis. 2012. no. 6. pp. 41-54.
30. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M., Sov. Entsiklopediya, 1990. 685 p.
31. Lyuksemburg R. Vvedenie v politicheskuyu ekonomiyu [Introduction to Political Economy] M., 2010. pp. 125.
32. Kharris M. Sovetskaya Rossiya, 2015. Avgust. Haris M. If Stalin Had Computers.
33. Mal'kovskaya I.A. Mnogolikii Yanus otkrytogo obshchestva: opyt kriticheskogo osmysleniya likov obshchestva v epokhu globalizatsii [The Many-Sided Janus of Open Society: the Experience of Critical Reflection of Society Faces in the Era of Globalization]. M., KomKniga, 2005. 280 p.
34. Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. T. 12 [Marx C. Works. 2nd ed.. Vol. 12]. M., Politizdat, 1958. 736 p.
35. Mezhduvlastie. Zigmunt Bauman beseduet s Vinchentso Della Sala [Interregnum. Zygmunt Bauman Talks with Vincenzo Della Sala] // Rossiya v global'noi politike. T. 10. 2012. no. 6. pp. 12-13.
36. Mul'tikul'turalizm i transformatsiya postsovetskikh obshchestv [Multiculturalism and Transformation of Post-Soviet Societies]. M., Institut etnologii i antropologii RAN, 2002. 356 p.
37. Neklessa A.I. Razvitiye i ekonomika. 2013. no. 6. pp. 117 c. Unidentified Culture 4.3. Globalism and Network Culture. Development and Economy.
38. Ofitsial'nyi sait Bil'derbergskogo kluba [The Official Website of the Bilderberg Group]. – URL: www.bilderbergmeetings.org (request date: 28.10.2015).
39. Pavlenko V., SHtol' V. Proekt «Globalizatsiya»: rol' i mesto vo vseмирno-istoricheskom protsesse [The “Globalization” Project: the Role and Place in Global Historical Process] // Obozrevatel'. 2013. no. 5. pp. 5-28.
40. Parekh B. Pereosmyslivaya mul'tikul'turalizm: kul'turnoe raznoobrazie i politicheskaya teoriya [Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory] Khomyakov M.B. Khrestomatiya po distsipline «Sovremennaya politicheskaya filosofiya: liberalizm, kommunitarizm, mul'tikul'turalizm» [Khomyakov M. B. Readings on the Discipline of "Modern Political Philosophy: Liberalism, Communitarianism, Multiculturalism"]. Ekaterinburg, 2007. pp. 80-92.
41. Podlinnaya istoriya i plany Bil'derbergskogo kluba [The True History and the Plans of the Bilderberg Group] - URL: <http://mixednews.ru/archives/133> (request date: 28.10.2015).
42. Smolenskii N.I. Istoriya i logika. Problemy obshcheistoricheskoi teorii i prirody istoricheskikh ponyatii [History and Logic. The Problems of Global Theory and the Nature of Historical Concepts]. M., 2013. 184 p.
43. Tarle E.V. Napoleon. M.: Izd [Napoleon. M.: Publishing House]. Academy of Sciences of the USSR, 1957. 468 p.
44. Tishkov V.A. Rekvium po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii [Requiem for Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. M., Nauka, 2003. 554 p.

45. Tlostanova M.V. Nyuansirovka inakovosti v postmodernistkikh epistemakh [The nuanced Otherness in the Post-Modernist Epistemes] // *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. T. 5. 2005. no. 3-4. pp. 116-134.
46. Tlostanova M.V. Problema mul'tikul'turalizma i literatura SSHA XX veka [Multiculturalism and the USA Literature of the Twentieth Century]. M., IMLI RAN, «Nasledie», 2000. 400 p.
47. Toffler E. Metamorfozy vlasti: Znanie, bogatstvo i sila na poroge KHKHI veka [Metamorphoses of Power: Knowledge, Wealth and Power in the Twenty-First Century]. M., 2009. 674 p.
48. Wells G. YAd, imenuemyi istoriei. Sobr. coh. V 15 tomakh. T. 15 [The Poison, Called History. Collected works. In 15 volumes. T. 15]. M. 463 p.
49. Fergyson N. Imperiya: chem sovremennyi mir obyazan Britanii [Empire: What the Modern World Owes to Britain]. M., 2013. 560 p.
50. Fukuyama F. Konets istorii i poslednii chelovek [The End of History and the Last Man]. M., 2007. 129 p.
51. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii [Huntington S. The Clash of Civilizations]. M., AST, 2003. 603 p.
52. Khrustaleva A.M., Volkov A.A., Stoklitskaya D.S. Sravnitel'nyi analiz izmenchivosti STR- i SNP-lokusov v populyatsiyakh nerki (*Oncorhynchus nerka*) Vostochnoi i Zapadnoi Kamchatki [Comparative Analysis of Variability of STR and SNP Loci in Populations of Sockeye Salmon (*Oncorhynchus Nerka*) from Eastern and Western Kamchatka] // *Genetika*. 2010. vol. 46, no. 11, 1584 p.
53. Cherrill' U. Kak ya voeval s Rossiei [How I fought with Russia]. M., EKSMO-Algorithm, 2011. 384 p.
54. Adoutte A., Balavoine G., Lartillot N., Lespinet O., Prud'homme B., de Rosa R. The new animal phylogeny: reliability and implications // *Proc Natl Acad Sci USA*. 2000. V. 97(9). pp. 4453-6. Review.
55. Batini C., Lopes J., Behar D.M., Calafell F., Jorde L.B., van der Veen L., Quintana-Murci L., Spedini G., Destro-Bisol G., Comas D. Insights into the demographic history of African Pygmies from complete mitochondrial genomes // *Mol Biol Evol*. 2011. V.28(2). Pp. 1099-110.
56. Behar D.M., Vilems R., Soodyall H., Blue-Smith J., Pereira L., Metspalu E., Scozzari R., Makkan H., Tzur S., Comas D., Bertranpetit J., Quintana-Murci L., Tyler-Smith C., Wells R.S., Rosset S.; Genographic Consortium. The dawn of human matrilineal diversity // *Am J Hum Genet*. 2008. V. 82(5). Pp. 1130-40.
57. Burbano H.A., Hodges E., Green R.E., Briggs A.W., Krause J., Meyer M., Good J.M., Maricic T., Johnson P.L., Xuan Z., Rooks M., Bhattacharjee A., Brizuela L., Albert F.W., de la Rasilla M., Fordea J., Rosas A., Lachmann M., Hannon G.J., Paabo S. Targeted investigation of the Neandertal genome by array-based sequence capture // *Science*. 2010. V. 328(5979). Pp. 723-5.
58. Castellano S., Parra G., Sanchez-Quinto F.A., Racimo F., Kuhlwillm M., Kircher M., Sawyer S., Fu Q., Heinze A., Nickel B., Dabney J., Siebauer M., White L., Burbano H.A., Renaud G., Stenzel U., Lalueza-Fox C., de la Rasilla M., Rosas A., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Z., Gu-Sic I., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Meyer M., Kelso J., Andres A.M., Paabo S. Patterns of coding variation in the complete exomes of three Neandertals // *Proc Natl Acad Sci U S A*. 2014. V.111(18). Pp. 6666-71.
59. Chiaroni J., Underhill P.A., Cavalli-Sforza L.L. Y chromosome diversity, human expansion, drift, and cultural evolution // *Proc Natl Acad Sci USA*. 2009. V. 106(48). Pp. 20174-9.
60. Eisenberg D.T., Kuzawa C.W., Hayes M.G. Worldwide allele frequencies of the human apolipoprotein E gene: climate, local adaptations, and evolutionary history // *Am J Phys Anthropol*. 2010. V. 143(1). Pp. 100-11.
61. Estulin Daniel Bilderberg Report 2012 second part Russia // [Electronic resource] URL:

- <http://www.danielestulin.com/bilderberg-reportinforme-2012/> (request date: 28.10.2015).
62. Fu Q., Meyer M., Gao X., Stenzel U., Burbano H.A., Kelso J., Pfifibo S. DNA analysis of an early modern human from Tianyuan Cave, China // *Proc Natl Acad Sci U S A*. 2013. V.10(6). Pp. 2223-7.
 63. Green R.E., Krause J., Briggs A.W., Maricic T., Stenzel U., Kircher M., Patterson N., Li H., Zhai W., Fritz M.H., Hansen N.F., Durand E.Y., Malaspinas A.S., Jensen J.D., Marques-Bonet T., Alkan C., Prüifer K., Meyer M., Burbano H.A., Good J.M., Schultz R., Aximu-Petri A., Butthof A., Hübner B., Hoffner B., Siegemund M., Weihmann A., Nusbaum C., Lander E.S., Russ C., Novod N., Affourtit J., Egholm M., Verna C., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Z., Gusic I., Doronichev V.B., Golovanova L.V., Lalueza-Fox C., de la Rasilla M., Fortea J., Rosas A., Schmitz R.W., Johnson P.L., Eichler E.E., Falush D., Bimery E., Mullikin J.C., Slatkin M., Nielsen R., Kelso J., Lachmann M., Reich D., Paabo S. A draft sequence of the Neandertal genome // *Science*. 2010. V. 328(5979). Pp. 710-22.
 64. Green R.E., Malaspinas A.S., Krause J., Briggs A.W., Johnson P.L., Uehler C., Meyer M., Good J.M., Maricic T., Stenzel U., Prüifer K., Siebauer M., Burbano H.A., Ronan M., Rothberg J.M., Egholm M., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Z., Gusic I., Wikstrom M., Laakkonen L., Kelso J., Slatkin M., Paabo S. A complete Neandertal mitochondrial genome sequence determined by high-throughput sequencing // *Cell*. 2008. V.134(3). Pp. 416-26.
 65. Hammer M.F., Woerner A. E., Mendez F.L., Watkins J.C., Wall. J. D. Genetic evidence for archaic admixture in Africa *Proc Natl Acad Sci U S A*. 2011. V.108(37). pp. 15123-1512
 66. *Immigration and Social Systems: Collected Essays of Michael Bommes / C. Boswell C. D'Amato G.* – Amsterdam. Amsterdam University Press, 2012. Pp. 177-199.
 67. Khrameeva E.E., Bozek K., He L., Yan Z., Jiang X., Wei Y., Tang K., Gelfand M.S., Prüfer K., Kelso J., Paabo S., Giavalisco P., Lachmann M., Khaitovich P. Neanderthal ancestry drives evolution of lipid catabolism in contemporary Europeans // *Nat Commun*. 2014. V. 5: 3584. Pp. 1-8.
 68. Krause J., Lalueza-Fox C., Orlando L., Enard W., Green R.E., Burbano H.A., Hublin J.J., Hanni C., Fortea J., de la Rasilla M., Bertranpetit J., Rosas A., Paabo S. // *The Derived FOXP2 Variant of Modern Humans Was Shared with Neandertals*. *Curr Biol*. 2007. V.17(21). Pp. 1908-1912.
 69. Kuhlwil M., Davierwala A., Paabo S. // *Identification of putative target genes of the transcription factor 'RUNX2*. *PLoS One*. 2013. V. 8(12):e83218.
 70. Kymlicka W. *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. New York: Oxford University Press Inc, 1995. 280 pp.
 71. Kymlicka W. *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 383 pp.
 72. Lalueza-Fox C., Gigli E., de la Rasilla M., Fortea J., Rosas A.. Bitter taste perception in Neandertals through the analysis of the TAS2R38 gene // *Biol Lett*. 2009. V. 5(6). Pp. 809-11.
 73. Lalueza-Fox C., Rompler H., Caramelli D., Staubert C., Catalano G., Hughes D., Rohland N., Pilli E., Longo L., Condemi S., de la Rasilla M., Fortea J., Rosas A., Stoneking M., Schoneberg T., Bertranpetit J., Hofreiter M. A melanocortin 1 receptor allele suggests varying pigmentation among Neandertals // *Science*. 2007. V. 30; 318(5855). Pp. 1453-1455.
 74. Maxwell Jordan *Matrix of power: How the World Has Been Controlled by Powerful People Without Your Knowledge*. The Book Tree, 2000. 108 pp.
 75. Morant G.M. A biometric study of neanderthaloid skulls and their relationships to modern racial types // *Biometrika*, JVb2, 1927. Pp. 318-381.
 76. Nei M. *Analysis of Gene Diversity in Subdivided Populations* // *Proc. Nat. Acad. Sci. USA* 1973.Vi 70, №. 12, Part I. Pp. 3321-3323.

77. Parekh B. The Future of Multi-Ethnic Britain: Report of the Commission on the Future of Multi-Ethnic Britain. London: Profile Books, 2000. P. 117.
78. Pennisi Ancient DNA Holds Clues to Gene Activity in Extinct Humans // Science. 2014. V. 344. Pp. 245-46.
79. Priifer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P.H., de Filippo C., Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwillm M., Lachmann M., Meyer M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert C., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson P.L., Blanche H., Cann H., Kitzman J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Paabo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // Nature. 2014. V. 505 (7481). Pp. 43-9.
80. Sailer K. Die Cromagnonrasse und ihre Stellung zu anderen jungpalaolithischen Langschadelrassen // Z. Indukt. Abstammung und Vererbungslehre. Bd. 39, no. 2, 1925.
81. Schlesinger A.M. The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society. New York: W.W. Norton & Company, 1998. P. 98.
82. Wall J.D., Yang M.A., Jay F., Kim S.K., Durand E.Y., Stevison L.S., Gignoux C., Woerner A., Hammer M.F., Slatkin M.. Higher levels of neanderthal ancestry in East Asians than in Europeans // Genetics. 2013.V. 194(1). Pp. 199-209.
83. Zhivotovsky L.A., Bennett L., Bowcock A.M., Feldman M.W. Human population expansion and microsatellite variation // Mol. Biol. Evol. 2000. V. 17. pp. 757-767.
84. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii [The Meaning and Purpose of History]. M., 1991. 527 p.
85. Kak my pishem istoriyu? [How do we write history?]. M., 2013. 456 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смоленский Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: kaF-nim@mgou.ru

Васильев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заведующий Центром физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН;
e-mail: vasbor1@yandex.ru

Коньков Андрей Сергеевич – младший научный сотрудник Медико-генетического центра РАН, Москва;
e-mail: andrey.s.konkov@gmail.com

Копосов Лев Феодосьевич – доктор филологических наук, профессор заведующий кафедрой истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-isrl@mgou.ru

Егоров Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-pprava@mgou.ru

Бруз Владимир Виленович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и государственного управления Московского государственного областного университета;
e-mail: vvb54@yandex.ru

Штоль Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор Дипломатической академии МИД России;

e-mail: observer@ru.ru

Гаева Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;

e-mail: tlingell@rambler.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;

e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Smolenski, Nikolay I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, professor of the department of New, Newest History and Methodology, Moscow State Regional University;

e-mail: kaF-nim@mgou.ru

Vasilev, Sergey V. – Doctor of Historical Sciences, manager of the Physical Anthropology Center of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

e-mail: vasbor1@yandex.ru

Kon'kov, Andrey A. – research assistant of the Institute of Medical Genetics, Moscow

e-mail: andrey.s.konkov@gmail.com

Koposov, Lev F. – Doctor of Philology, Professor, head of the department of the History of the Russian Language and General Linguistics, Moscow State Regional University;

e-mail: kaf-isrl@mgou.ru

Yegorov, Vladimir G. – Doctor of Historical Sciences, professor, head of the department of Politology and Law, Moscow State Regional University;

e-mail: kaf-pprava@mgou.ru

Bruz Vladimir V. – Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the department of Management and State Management, Moscow State Regional University;

e-mail: vvb54@yandex.ru

Stol', Vladimir V. – Doctor of Political Sciences, professor, head of the department of regional office of the Institute of State Service and Management of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

e-mail: observer@ru.ru

Gayeva, Anastasiya S. – post-graduate student of the department of Politology and Law, Moscow State Regional University;

e-mail: tlingell@rambler.ru

Bagdasaryan, Vardan E. – Doctor of Historical Sciences, professor, Dean of the Faculty of History, Politology and Law, Moscow State Regional University;

e-mail: vardanb@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Смоленский Н.И., Васильев С.В., Коньков А.А., Копосов Л.Ф., Егоров В.Г., Бруз В.В., Штоль В.В., Гаева А.С., Багдасарян В.Э. Проблема единства мировой истории (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 6-78.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-6-78

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Smolenski, S. Vasilyev, A. Kon'kov, L. Kuposov, V. Egorov, V. Bruz, V. Stol', A. Gayeva, V. Bagdasaryan. The problem of world history unity (Round Table) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 1. Pp. 6-78.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-6-78